Ч 44
184

г 44—
184

45271
Ф.

„РУСЬ“ И „ВАРЯГЪ“

(ПРОИСХОЖДЕНІЕ СЛОВЪ).

ЗАМѢТКИ ДЛЯ ВЫЯСНЕНІЯ ДРЕВНѢЙШЕЙ ИСТОРІИ ПЕТЕРБУРГСКАГО КРАЯ.

Г. А. НЕМИРОВА.

Отдѣльный оттискъ XIII выпуска „Опыта исторіи С.-Петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербурга“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1898.

Содержаніе.

		стран.
I.	Сравнительное изученіе этнографическихъ окончаній	1
II.	Группа этнографическихъ окончаній на *р* и ихъ происхожденіе	4
III.	Видоизмѣненія слова *rahwas* въ различныхъ этнографическихъ окончаніяхъ	6
IV.	Переходъ слова *rahwas* (иначе *raawas*) въ звукосочетаніе *рауас*, а затѣмъ въ *рус*, *рас*, и среднее, *рос*	8
V.	Переходъ окончанія *рус* въ имя этнографическое и географическое *Русь*	9
VI.	Всеа-русь	11
VII.	Варяго-русь	12
VIII.	Роксалане и группа этнографическихъ окончаній: лане, ане, яне, яйне и т. п.	13
IX.	Вар-ягъ и группа этнографическихъ именъ на *яг* (съ его видоизмѣненіями)	16
X.	Варяги, Остяки и Угры	18
XI.	Объясненіе слога «Вар» въ словѣ «Вар-ягъ»	20
XII.	«Народъ», «арава» и «дружина»	21
XIII.	Маджары и Манджуры простое-ли созвучіе?	22
XIV.	Маньчжуры въ Петербургскомъ краѣ	24
XV.	Объясненіе скандинавскаго *Väringi* изъ маньчжурскаго языка	28
XVI.	Еще два интересныхъ маньчжурскихъ слова	29
XVII.	Варяги, какъ защитники	30
XVIII.	Значеніе слова «Угры»	31
XIX.	Видоизмѣненія слова «Угры»	32
XX.	«Уг» и «Инг.»	33
XXI.	Унгры, Ингры, Англяне и Готы	33
XXII.	Ижора, Весь, Великороссы	35
XXIII.	Вэри и Вар	38
XXIV.	Прозванія: Великій, Великая и т. п. при именахъ географическихъ	40
XXV.	Когда это было?	41
XXVI.	Нѣчто о географоміи	44

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Мая 1898 г.

244—184

ЗАМѢТКИ
ДЛЯ
ВЫЯСНЕНІЯ ДРЕВНѢЙШЕЙ ИСТОРІИ ПЕТЕРБУРГСКАГО КРАЯ.

I.

Сравнительное изученіе этнографическихъ окончаній.

Желая объяснить значеніе какого либо имени этнографическаго, нѣкоторые ученые очень часто обращаютъ вниманіе только на его начальную, или, вообще, корневую часть и въ корнѣ ищутъ основаній къ объясненію смысла всего слова, не придавая существеннаго значенія его окончанію.

Такъ, напримѣръ, нашъ несомнѣнно высокодаровитый Сенковскій (это было еще въ тридцатыхъ годахъ), объясняя слово *казакъ* происхожденіемъ перваго его слога отъ тюркскаго слова *каз*, значущаго *гисъ* (эмблема свободы, по турецкой пословицѣ:

Григорій Александровичъ
Немировъ.
В. О., Средн. пр. д. № 1.

го съ «венгро-славянскими»: *гуса* и *гусаръ*
считалъ свое объясненіе законченнымъ,
ны слова казакъ, т. е. аффикса *акъ*, а
ловомъ *гусакъ*. (Соч. т. VI, стр. 10—12).
ъ Мюллеромъ высказана мысль (ставшая
илологіи) о томъ, что въ каждомъ словѣ
ставныя части (префиксы, суффиксы и
и), были нѣкогда независимыми словами,
то все, что въ современномъ языкѣ
, въ началѣ было вещественно, живо и

емъ односложное слово должно быть

Государственная публичная историческая библиотека

ПАСПОРТ
Инвентарный № 25898
№ тома —
Шифр 244—184
Список № принадлежный № 15-63

КНИГА ИМЕЕТ:
Количество страниц 31
Отд. томов —
Таблиц, карт, иллюстраций —
Особые ценности: рукопись, автограф, письмо и т. п. —
Дефекты —
Печатных листов —
Обрез —

Содержаніе.

		стран.
I.	Сравнительное изученіе этнографическихъ окончаній	1
II.	Группа этнографическихъ окончаній на *р* и ихъ происхожденіе	4
III.	Видоизмѣненія слова *rahwas* въ различныхъ этнографическихъ окончаніяхъ	6
IV.	Переходъ слова *rahwas* (иначе *raawas*) въ звукосочетаніе *рауас*, а затѣмъ въ *рус*, *рас*, и среднее, *рос*	8
V.	Переходъ окончанія *рус* въ имя этнографическое и географическое *Русь*	9
VI.	Всеа-русь	11
VII.	Варяго-русь	12
VIII.	Роксалане и группа этнографическихъ окончаній: лане, ане, яне, яйне и т. п.	13
IX.	Вар-ягъ и группа этнографическихъ именъ на *яг* (съ его видоизмѣненіями)	
X.	Варяги, Остяки и Угры	
XI.	Объясненіе слога «Вар» въ слов	
XII.	«Народъ», «арава» и «дружина»	
XIII.	Маджары и Манджуры простое-	
XIV.	Маньчжуры въ Петербургскомъ	
XV.	Объясненіе скандинавскаго *Väri*	
XVI.	Еще два интересныхъ маньчжур	
XVII.	Варяги, какъ защитники	
XVIII.	Значеніе слова «Угры»	
XIX.	Видоизмѣненія слова «Угры»	32
XX.		
XXI.		
XXII.		
XXIII.		
XXIV.		
XXV.		
XXVI.		

244—184

ЗАМѢТКИ
ДЛЯ
ВЫЯСНЕНІЯ ДРЕВНѢЙШЕЙ ИСТОРІИ ПЕТЕРБУРГСКАГО КРАЯ.

I.

Сравнительное изученіе этнографическихъ окончаній.

Желая объяснить значеніе какого либо имени этнографическаго, нѣкоторые ученые очень часто обращаютъ вниманіе только на его начальную, или, вообще, корневую часть и въ корнѣ ищутъ основаній къ объясненію смысла всего слова, не придавая существеннаго значенія его окончанію.

Такъ, напримѣръ, нашъ несомнѣнно высокодаровитый Сенковскій (это было еще въ тридцатыхъ годахъ), объясняя слово *казакъ* происхожденіемъ перваго его слога отъ тюркскаго слова *каз*, значущаго *гусь* (эмблема свободы, по турецкой пословицѣ: «свободенъ какъ дикій гусь»), и сравнивая его съ «венгро-славянскими»: *гуса* и *гусаръ* (= свободный всадникъ, бродяга, разбойникъ), считалъ свое объясненіе законченнымъ, вовсе не входя въ объясненіе второй половины слова казакъ, т. е. аффикса *акъ*, а лишь молчаливо сопоставивъ слово казакъ со словомъ *гусакъ*. (Соч. т. VI, стр. 10—12).

Но уже съ полвѣка тому назадъ Максомъ Мюллеромъ высказана мысль (ставшая затѣмъ общимъ достояніемъ сравнительной филологіи) о томъ, что въ каждомъ словѣ не только корень, но и всѣ приставныя и вставныя части (префиксы, суффиксы и аффиксы, т. е. представки, вставки и приставки), были нѣкогда независимыми словами, именами, глаголами или мѣстоименіями; что все, что въ современномъ языкѣ сдѣлалось мертвымъ, пустымъ, формальнымъ, въ началѣ было вещественно, живо и знаменательно.

На этомъ основаніи каждое болѣе чѣмъ односложное слово должно быть разсматриваемо какъ состоящее изъ нѣсколькихъ, нѣкогда самостоятельныхъ словъ изъ которыхъ конечное, потерявъ часть прежнихъ звуковъ и самостоятельный смыслъ, могло сократиться изъ аффикса, т. е. приставнаго слова, въ простую флексію).

Такъ какъ почти всѣ имена этнографическія представляютъ собою слова многосложныя, то, по приведеннымъ указаніямъ сравнительной филологіи, въ настоящее время при объясненіи значенія именъ этнографическихъ требуется разсматривать и объяснять уже не только корень, но вообще всѣ составныя части разбираемаго имени; только согласованіе общаго смысла каждой изъ этихъ частей, разсмотрѣнныхъ въ отдѣльности, можетъ нынѣ служить подтвержденіемъ правильности толкованія.

За всѣмъ тѣмъ, научное объясненіе именъ этнографическихъ до сихъ поръ подвигается весьма тихо. Оказывается, что въ своихъ объясненіяхъ и другихъ, кромѣ корневой, частей этнографическихъ названій, ученые (какъ и неученые) увлекаются [illegible]чимъ только созвучіемъ, а такъ какъ созвучныхъ словъ въ различныхъ языкахъ [illegible] много, то объясненіе остается въ большинствѣ случаевъ малодоказательнымъ.

Государ. публичная Историческая библиотека РСФСР № 25898 1933

почти для каждаго этнографическаго имени существуетъ по нѣсколько объясненій, болѣе или менѣе остроумныхъ, но вообще убѣдительныхъ только при извѣстной натяжкѣ.

Въ этомъ отношеніи весьма плодотворнымъ могло бы оказаться примѣненіе сравнительнаго метода къ изученію спеціально *окончаній* именъ этнографическихъ.

Слова наростаютъ преимущественно съ конца, слѣдовательно, съ конца-же ихъ должно и развертывать. Кромѣ того, просматривая алфавитные указатели къ этнографическимъ сочиненіямъ, заключающіе названія разныхъ племенъ и народовъ, легко замѣтить, что, хотя окончанія этнографическихъ именъ довольно разнообразны, однако-же далеко не такъ, какъ начальныя части тѣхъ же именъ; многія этнографическія окончанія представляютъ совершенное между собою тождество, а къ этимъ тождественнымъ примыкаетъ много другихъ, которыя представляютъ различія на столько незначительныя, что, очевидно, являются лишь видоизмѣненіями первыхъ.

Если же обратимъ вниманіе на тѣ окончанія именъ этнографическихъ, принадлежность которыхъ извѣстному языку несомнѣнна, то замѣтимъ, что почти каждый самостоятельный языкъ имѣетъ свои особые флексіи для обозначенія такъ сказать *этнографичности* слова, т. е. для отмѣтки, что это слово этнографическое; такъ, напримѣръ, мы, Русскіе, большею частью употребляемъ для этнографическихъ именъ окончаніе *цы*, или просто *ы*: Нѣм*цы*, Бухар*цы*, Кавказ*цы*, или на *яне*: Слав*яне*, Поля*не*, Древля*не*, Фелистимля*не*, Москвитя*не*, и пр. Большинство французскихъ этнографическихъ именъ оканчивается въ ед. числѣ на *ien*: Algér*ien*, Alsac*ien*, Arcad*ien*, Armen*ien*, Assyr*ien*, Autrich*ien*, и пр. или на *ois*: Albig*eois*, Bad*ois*, Bavar*ois*, Chin*ois*, Dan*ois* и пр. Нѣмцы употребляютъ въ этнографическихъ именахъ почти исключительно окончанія на *er*: Algier*er*, Albani*er*, Amerikan*er*, Engländ*er*, Arab*er*, Assyri*er* и пр. У Шведовъ на *are*: Österrik*are*, Algier*are*, Engländ*are*, Amerikan*are* и пр. У Литовцевъ почти всѣ имена этнографическіе оканчиваются на *as*: Kalmuk*as* (Калмыкъ), Indijon*as* (Индѣецъ), Kazak*as* (Казакъ) и т. д. У Латышей, на *s* и на *ets*: Kalmuk*s*, Indijan*ets*, Kazak*s* и т. д.

Въ языкахъ, которые обыкновенно называются флексіонными (а по Максу Мюллеру *находятся уже въ періодѣ флектирующемъ*), флексіи сами по себѣ не имѣютъ отдѣльнаго смысла; но въ языкахъ агглютинирующихъ, находящихся еще въ періодѣ полныхъ аффиксовъ, окончаніе во многихъ случаяхъ имѣетъ значеніе самостоятельнаго слова. Но если, какъ это допускаетъ Максъ Мюллеръ, языки агглютинирующіе могутъ переходить въ языки флектирующіе, то, очевидно, что и флексіи послѣднихъ представляютъ собой лишь видоизмѣненіе тѣхъ окончаній, которыя являлись въ періодѣ предыдущемъ еще особыми приставными словами.

Сходство многихъ языковъ между собою и простыя заимствованія словъ изъ однаго языка въ другой позволяютъ искать общности корней между самыми разнообразными языками.

Если бы на основаніи сказаннаго составить возможно полный словарь этнографическихъ именъ,—современныхъ и историческихъ—притомъ, по возможности, на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, въ транскрипціи, наиболѣе способной передать звуки, свойственныя каждому отдѣльному языку, и расположить этотъ словарь по алфавиту *окончаній* именъ этнографическихъ, при чемъ самый алфавитъ составить такъ, чтобы рядомъ приходились буквы наиболѣе созвучныя, то въ результатѣ всѣ имена этнографическія могли бы быть раздѣлены, по сходству или различію своихъ окончаній, на сравнительно небольшое число группъ.

Группы обозначились бы сами собою чрезъ перерывы въ сходствѣ созвучныхъ окончаній съ сосѣдними, имъ не созвучными.

При составленіи такого словаря мы замѣтили бы, что многія окончанія, или точнѣе говоря, конечные, послѣдніе слоги нѣкоторыхъ группъ, сходны съ предпослѣдними слогами многихъ отдѣльныхъ именъ, помѣщенныхъ нами, по ихъ послѣднимъ слогамъ, въ другія группы. Это должно быть такъ потому, что во многихъ случаяхъ, когда этнографическое имя заимствуется изъ одного языка въ другой, его конечный слогъ, оставаясь непонятымъ, удерживается, лишь дополняясь аффиксомъ или флексіей того языка, въ который заимствуется; между тѣмъ этотъ конечный слогъ въ томъ языкѣ, изъ котораго заимствуется, самъ являлся уже только аффиксомъ или флексіей, обозначавшими этнографичность слова.

Такія слова необходимо, не исключая ихъ изъ группы, къ которой онѣ принадлежатъ по своимъ конечнымъ слогамъ, отмѣтить также и въ той группѣ, къ которой подходитъ ихъ предпослѣдній слогъ.

Относительно этнографическихъ именъ многосложныхъ мы можемъ продолжить сравненія и для ихъ третьихъ (съ конца) слоговъ, и т. д.

Не знаю, занимался ли кто нибудь подобной классификаціей именъ этнографическихъ, но во всякомъ случаѣ она, даже во время самой работы надъ нею, должна дать много неожиданныхъ сопоставленій и выводовъ, весьма интересныхъ для этнографіи, особенно исторической. Въ окончательной же своей формѣ она намъ дастъ вѣрныя рамки, которыя научно ограничатъ весьма часто уже черезъ чуръ свободный полетъ нашей фантазіи при опредѣленіи значенія именъ этнографическихъ; соединеніе въ одну группу возможно большаго числа созвучныхъ окончаній дастъ намъ возможность, изучая ихъ сообща, найти, не въ томъ такъ въ другомъ языкѣ этой группы, настоящее ихъ объясненіе; если-же какое нибудь опредѣляемое окончаніе окажется подходящимъ къ одной изъ группъ, общій корень которой уже извѣстенъ, то не будетъ основаній искать его значенія въ чемъ либо фантастическомъ, въ родѣ вышепривенаго гусака.

Затѣмъ, относительно тѣхъ этнографическихъ именъ, которыя состоятъ изъ нѣсколькихъ аффиксовъ и флексій, принадлежащихъ разнымъ языкамъ (какъ напримѣръ Инг—ер—ман—ланд—цы), мы будемъ имѣть возможность опредѣлить чрезъ какіе языки эти имена прошли раньше, чѣмъ получить свою нынѣшнюю форму, и такимъ образомъ, вѣроятно, намъ придется узнать о существованіи многихъ народовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ существованія ихъ мы вовсе не подозрѣвали.

Изучая имена этнографическія съ конца, идя отъ флексіи къ корню, мы найдемъ во многихъ случаяхъ основанія повѣрять и наше толкованіе корней, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ корень и *непосредственно прилегающая къ нему* приставка, всего вѣроятнѣе, принадлежатъ одному языку; когда же корень допускаетъ нѣсколько объясненій, то приставки помогутъ намъ сообразить которое изъ нихъ вѣроятнѣе.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ корневая часть принадлежитъ одному языку, а приставка другому, группировка этнографическихъ окончаній по ихъ сходству выясняетъ намъ, широтою распространенія окончаній извѣстной группы, размѣръ вліянія, какое нѣкогда имѣли на другіе народы тѣ, языку которыхъ принадлежатъ или принадлежали эти окончанія.

Не надо, однако-же, забывать, что это будетъ лишь филологическая классификація

этнографическихъ именъ, и что объяснить происхожденіе *названія* какого либо народа, хотя-бы вполнѣ правильно, еще не значитъ опредѣлить и этнографическое происхожденіе того народа. Далеко не всѣ народы (и едва-ли только не меньшая ихъ часть), извѣстны намъ, особенно въ исторіи, подъ тѣми именами, которыми они сами себя называютъ или называли. Большая часть исторически извѣстныхъ этнографическихъ именъ принадлежитъ языку народовъ, бывшихъ сосѣдями тѣхъ, которые подъ этимъ именемъ извѣстны, или дана тѣми, которые были съ ними въ какихъ-либо сношеніяхъ; нѣкоторыя имена этнографическія созданы вполнѣ искусственно лѣтописцами и книжниками, а иныя, наконецъ, утвердились просто по недоразумѣнію.

За всѣмъ тѣмъ, сравнительное изученіе именъ этнографическихъ, и, какъ начало его,—группировка этнографическихъ окончаній, могутъ поставить изученіе происхожденія этихъ именъ на почву вполнѣ научную, указавъ методъ и принципы, при которыхъ *этнографономія*, т. е. наука объ именахъ этнографическихъ, какъ особый отдѣлъ сравнительной филологіи, можетъ дать положенія вполнѣ доказательныя и явиться дѣйствительнымъ пособникомъ обще-историческихъ изысканій и надежнымъ матеріаломъ для исторической этнографіи.

Однако-же, я не дерзнулъ принять на себя разработку этого предмета во всей его подробности, т. е. по отношенію ко всѣмъ народамъ земного шара, да для единичныхъ силъ едвали возможно основательно исполнить ее прямо въ такихъ широкихъ размѣрахъ. Для одного лица работа въ этомъ направленіи возможна лишь путемъ выдѣленія сперва какой-нибудь одной группы, съ переходомъ затѣмъ къ другой и послѣдующимъ группамъ; общій же сводъ долженъ быть оставленъ на увѣнчаніе всего дѣла, послѣ того какъ имъ заинтересуются и надъ нимъ поработаютъ многія силы.

Не знаю почему, можетъ быть просто потому, что я русскій, я заинтересовался прежде всего группой этнографическихъ окончаній, начинающихся съ буквы *р*, неутерпѣвъ, впрочемъ, мелькомъ заглянуть и въ нѣкоторыя другія группы.

II.

Группа этнографическихъ окончаній на *р* и ихъ происхожденіе.

Чтобы начать съ болѣе простого, я выбралъ сперва тѣ окончанія, которыя состоятъ изъ сочетанія буквы *р* съ одною изъ послѣдующихъ гласныхъ (безъ другихъ согласныхъ).

Въ русскомъ языкѣ буква *р* въ этнографическихъ окончаніяхъ сочетается преимущественно съ буквой *ы*. Примѣровъ такого сочетанія множество, а потому я приводить ихъ не буду.

Гораздо менѣе, но все же достаточно, окончаній на *ра*, напримѣръ: Володимера (Карта Gerardo 1614 г.; Володимерцы) Ижора, Кондора (1614 г. въ Арханг. губ.), Маара (Черемисы), Мещера (Свод. лѣт. 8; Мещеряки), Обдора (Obdora 1614 г.), Печера (Сводн. лѣт. 8), Севера (Severa 1614; Сѣверяне), Югра (Угра) и пр. Просматривая эти этнографическія имена, не трудно замѣтить, что почти всѣ они относятся къ прош-

лому, оставшемуся лишь въ лѣтописяхъ и другихъ старинныхъ памятникахъ; но нѣкоторыя (напр. Ижора, до сихъ поръ живущее на устахъ простого народа) указываютъ намъ, что они нѣкогда были и живыми словами.

Еще менѣе чѣмъ на *ра* окончаній на *ре*: Болга*ре*, Тата*ре*, Коза*ре* и на *ри*: Лопа*ри*, Коза*ри*, Ма*ри* (Черемисы), Тепте*ри*.

Лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются окончанія на *ря*: Меря.

Окончаній на *ро* и *ру* вовсе нѣтъ, кромѣ взятыхъ прямо съ иностраннаго или иноязычнаго и исключительно встрѣчавшихся мнѣ въ книгахъ, при переводѣ буквальномъ.

Нѣкоторыя изъ названныхъ окончаній употребляются въ двухъ формахъ, изъ которыхъ ни одна еще неустановилась окончательно, напримѣръ: Болга*ре* (Болга*ры*), Тата*ре* (Тата*ры*), вышеупомянутая Ижо*ра* (Ижо*ры*), Угра (Угры), Коза*ре*, Коза*ры*, Хоза*ре*, Хоза*ры* и пр.

Такая неустойчивость окончаній еще и въ настоящее время, несмотря на давно уже начавшееся омертвѣніе нашего языка общими грамматическими формами, избавляетъ отъ особыхъ доказательствъ возможности перехода ихъ одно въ другое и наглядно показываетъ возможность происхожденія, если не всѣхъ, то многихъ изъ нихъ, отъ одного корня или, по Максу Мюллеру, отъ одного первоначальнаго слова.

Съ тѣмъ вмѣстѣ указывается возможность ихъ общаго значенія.

Въ русскомъ языкѣ ни одно изъ окончаній, приведенныхъ выше, само по себѣ ничего не означаетъ, т. е., если взять его какъ отдѣльное слово, не имѣетъ самостоятельнаго смысла; слѣдовательно, существованія ихъ въ формѣ отдѣльнаго слова надо искать или въ глубокой древности или въ другомъ языкѣ.

Для того, чтобы понять значеніе, или смыслъ, какого либо слова, всегда-ли необходимо предварительно знать: какому языку оно принадлежитъ?

Напримѣръ, при дешифровкѣ египетскихъ іероглифовъ, гвоздеобразныхъ или клинообразныхъ надписей, скандинавскихъ или монгольскихъ рунъ, на языкахъ еще совершенно неизвѣстныхъ, обыкновенно ищутъ повторяющіеся знаки, предполагаютъ въ нихъ какое либо извѣстное имя, разлагаютъ его на части, и затѣмъ считаютъ вѣрнымъ, если этимъ способомъ дешифрируются другія части разбираемой надписи.

Или (примѣръ еще проще): если насъ предупредятъ, что будутъ перечислять названія озеръ и затѣмъ назовутъ: Кіеві*ярви*, Нясі*ярви*, Вехка*ярви*, Няря*ярви*, Пя*ярви*, Саарі*ярви*, Рюрики*ярви*, Вуорі*ярви* и пр. (можно привести десятки озеръ съ окончаніемъ *ярви*), то вовсе не требуется знанія финскаго языка, чтобы понять, что названія перечисленныхъ озеръ собственно: Кіеви, Няси, Вехка, Няря и т. д., а общее ихъ окончаніе «ярви», очевидно, значитъ «озеро».

Подобнымъ же образомъ относительно вышеприведенныхъ именъ этнографическихъ, коль скоро намъ достовѣрно извѣстно, что всѣ они представляютъ собою исключительно названія племенъ и народовъ, мы можемъ *à priori* сказать, что переходящія одно въ другое окончанія: *ры*, *ре*, *ра*, *ря* (кромѣ случаевъ, гдѣ будетъ доказано ихъ простое созвучіе) должны означать: «племя», «народъ» или, принимая во вниманіе историческую жизнь языка, по меньшей мѣрѣ, какое либо болѣе древнее слово, соотвѣтствующее тому понятію, изъ котораго впослѣдствіи развилось понятіе о племени и народѣ (въ родѣ напримѣръ: люди, община, арава, орда, толпа).

Руководствуясь этимъ апріорическимъ выводомъ, какъ эпиграфисты руковод-

ствуются предполагаемымъ именемъ какого нибудь Кира или Ассура, я пересмотрѣлъ по находившимся подъ рукою лексиконамъ слово «народъ» болѣе чѣмъ на 50 языкахъ (въ предѣлахъ З. Европы и всей Россіи), и нашелъ его начинающимся на *р*, только въ языкахъ финскихъ, а именно:

1) по эстонски, какъ и по собственно фински (суоми), одинаково, понятіе «народъ» выражается словомъ *раhвас* (rahwas), которое значитъ также и *люди*; по объясненіюсловаря Ренвалля, въ нарѣчіи Финовъ-Савокотовъ, или Савалаксовъ (область которыхъ по картѣ 1606 г. Андрея Бурея, въ Атласѣ Blaeu 1642 г., показана къ С.-Западу отъ Ладожскаго озера до озера Ула-Трескъ, въ средней Финляндіи), безразлично употребляется также *равас* (raawas), хотя у собственно Финовъ и Тавастовъ *равас* значитъ «животное».

2) по карельски «народъ» называется *раhвага* (rahwaha), *раhвагу* (rahwahu) и *раhват* (rahwat); люди — *раhважъ*.

Такой результатъ справки меня заинтересовалъ, но не удивилъ. О древнемъ широкомъ распространеніи Финновъ (или по другимъ, Угро-Финновъ) уже достаточно извѣстно. Нѣкогда они занимали почти всю Е. Россію, а это — половина Европы; но и въ другой половинѣ почти то-же. Во французскомъ языкѣ насчитывается болѣе 1,000 словъ съ корнями финскими; связь съ финскимъ языкомъ нѣмецкаго тоже достаточно констатирована, между прочими, и знаменитымъ Вирховомъ, который въ своей статьѣ о первоначальномъ заселеніи Европы (Urberölkerung Europas) признаетъ за несомнѣнное, что въ Германіи жило нѣкогда финское племя, и что финская кровь остается въ жилахъ значительной массы Тевтоновъ; по словамъ же финолога Кастрена слѣды Финновъ были найдены не только въ Германіи, но и въ Даніи, и въ Англіи. Въ томъ, что Угро-Финны въ древнія времена занимали большую часть Скандинавіи, тоже нѣтъ сомнѣнія. Точно также и Баски въ Испаніи относятся (какъ знаменитымъ В. Гумбольдтомъ, такъ и другими учеными) къ народамъ финскаго корня. Иные ученые считаютъ Финновъ если не аборигенами всей Европы, то племенемъ прежде всѣхъ сюда явившимся изъ Азіи и занявшимъ почти всѣ европейскія страны. Наконецъ, нашъ извѣстный оріенталистъ Сенковскій утверждалъ даже, что поколѣнія финской породы распространились, чрезъ Камчатку и Курильскіе острова, также по всей старой Америкѣ. И новѣйшіе ученые относятъ первобытныхъ жителей Америки и Финновъ къ одному племени — монгольскому.

III.

Видоизмѣненія слова *раhвас* въ различныхъ этнографическихъ окончаніяхъ.

Но если Финны дѣйствительно были нѣкогда такъ широко распространены, то весьма естественно, что изъ ихъ языка, или *чрезъ* ихъ языкъ, слово народъ (рагвас или равас) должно было проникнуть въ составъ многихъ именъ этнографическихъ. При этомъ оно должно-бы сохраниться не только въ крайнихъ своихъ сокращеніяхъ, какими могутъ представляться односложныя *ры*, *ра*, *ре* и т. п., но и въ болѣе полномъ своемъ видѣ, съ его возможными видоизмѣненіями.

Такъ-ли это въ дѣйствительности?

Для отвѣта на этотъ вопросъ я вновь пересмотрѣлъ по находившимся подъ рукою

источникамъ возможно большее число именъ этнографическихъ, при чемъ не ограничивался уже окончаніями на *ры*, *ра*, *ре* и т. под., а останавливался, по возможности, на всѣхъ тѣхъ именахъ этнографическихъ, въ конечной части которыхъ находилось сочетаніе *р* съ какими либо иными буквами, отмѣчая тѣ, которыя могутъ быть объяснены какъ видоизмѣненія слова *рагвас*.

Въ результатѣ достойнымъ отмѣтки оказалось слѣдующее:

1) Въ цѣломъ своемъ видѣ слово *рагвас* входитъ въ составъ имени этнографическаго Ма*рагвас* (Maarahwas), какъ называютъ себя Эсты (словарь М. Залема, подъ словомъ *rahwas*).

2) Съ отпаденіемъ конечнаго *s* то-же звукосочетаніе находимъ въ названіи одного народа, занимавшаго во времена римскихъ войнъ сѣв.-западную часть Италіи, именно въ названіи Ве*рагвы* (по нѣкоторымъ источникамъ это названіе пишется Ве*рагуи*, но звукъ *у* во многихъ языкахъ вполнѣ соотвѣтствуетъ *в*.).

3) Сравненіе слова *рагвас* (rahwas) съ другой его формой, встрѣчающейся въ другихъ нарѣчіяхъ того же языка, какъ уже сказано выше, именно съ формой *равас* (raawas) показываетъ, что буква *г* (*h*) выпадаетъ весьма легко, да и вообще звукъ *г* (*h*), принадлежитъ къ числу легко выпадающихъ во многихъ языкахъ, въ томъ числѣ и въ славянскомъ (Государь—Осударь). Отбрасывая-же изъ слова *рагвас*, кромѣ конечнаго *с* (*s*), также и букву *г* (*h*), можно объяснить тѣмъ-же словомъ вторую часть слова Мо*рава*, одинаковаго для народа и рѣки; нѣмецкое же названіе Моравіи (Mähren) указываетъ на дѣйствительное существованіе въ этомъ имени въ прежнее время звука *h*, и слѣдовательно подтверждаетъ наше производство.

4) Сравненіе словъ Ма*рагвас*, Мо*рава* и нѣмецкаго *Mähren*, указываетъ на переходъ *а* въ *о*. Это позволяетъ искать объясненія изъ финскаго слова *рагвас*, или *равас*, и для второй половины слова Но*рова*, которымъ, по русскимъ лѣтописямъ, именуется какъ рѣка, до сихъ поръ носящая это имя (въ формѣ *На*рова), такъ и уже исчезнувшій нынѣ народъ (Сводная лѣтопись, стр. 8). А названіе города: На*рва*.

5) Въ словѣ Хо*рваты* мы находимъ видоизмѣненіе того-же финскаго слова, съ пропускомъ буквы *а* между буквами *р* и *в*, (какъ въ словѣ На*рва*) и съ замѣною, въ концѣ, буквы *s* буквою *t*; такую замѣну мы уже видѣли выше, въ самомъ словѣ раг*вас*, которому въ карельскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ форма раг*ват*. Арабъ Ал-Бекри (X в.). называетъ Хорватовъ — Хай*равасъ* (изд. А. А. Куника стр. 55); Масуди (920—950 г.) называетъ ихъ Ха*равасъ* и Ха*рватинъ* (Гаркави, стр. 136).

6) Видоизмѣненіемъ подобнымъ только что видѣнному нами въ словѣ Хорваты объясняется и простонародная форма Тата*рва*, какъ Малоросы зовутъ Татаръ и по нынѣ (Гоголь, «Тарасъ Бульба»; провѣрено относительно новѣйшаго времени распросами у природныхъ Малоросовъ).

7) Имя этнографическое *Арабы*, въ его второй части, объясняется тоже изъ слова *равас*, при уже видѣнномъ нами выше отпаденіи конечнаго *с*; образованіе же звука *б* изъ *в* доказывается словами: Аравія, Аравитяне и т. п.

8) Происхожденію второй части слова Арабы аналогично и происхожденіе второй части слова Со*рабы*.

9) Тѣмъ-же путемъ объясняется и происхожденіе второй части этнографическаго имени Се*рбы*, тѣмъ легче, что это послѣднее въ нѣкоторыхъ древнихъ источникахъ пишется Се*ребъ*, Сербяны, Сербьяне и *Сервія* (Великая и Бѣлая).

10) Въ этнографическомъ имени *Арависки* (древній народъ Германіи, по Тациту) средняя часть *(равис)* также легко объясняется изъ слова *равас*, съ переходомъ лишь одной буквы *а* въ *и*.

11) Второй примѣръ перехода *а* въ *и* представляетъ намъ слово *Кривичи*; латышское Крѣвс (= Русскій) его намъ поясняетъ; переходъ же *с* въ *ч* тоже довольно обыкновененъ.

Списокъ этотъ можно бы было значительно увеличить, особенно если прогуляться по всѣмъ частямъ свѣта и заглянуть напримѣръ въ *Уругвай*, *Парагвай*, *Никарагву* и т. под.; но раньше, чѣмъ я успѣлъ окончить такое путешествіе, я былъ отвлеченъ отъ него новымъ интереснымъ сопоставленіемъ, которое стоитъ того, чтобы имъ заняться особо, поподробнѣе.

IV.

Переходъ слова *rahwas* (иначе *raawas*) въ звукосочетаніе *рауас*, а затѣмъ въ *рус*, *рас*, и, среднее, *рос*.

Перебирая въ этнографическихъ окончаніяхъ сочетанія буквы *р* по очередно со всѣми согласными, причемъ постоянно имѣлъ въ виду слово *ргвас*, я невольно остановился на группѣ сочетаній *р* съ *с*, пораженный легкостью, съ которою возможенъ переходъ слова *ргвас* въ звукосочетаніе *рус*. О легкости выпаденія звука *г* (*h*) уже сказано выше; затѣмъ вся суть сводится на переходъ звука *в* въ звукъ *у*; но переходъ этихъ двухъ звуковъ тоже представляетъ въ лингвистикѣ явленіе самое обыкновенное почти для всѣхъ языковъ. Замѣняя же въ словѣ *ргвас* (rahwas) или, послѣ выпаденія изъ этого слова звука г (h),—въ словѣ *равас*, букву в (w) буквой *у*, получимъ звукосочетаніе *рауас*. Звукосочетаніе это весьма удобно ко многимъ сокращеніямъ и видоизмѣненіямъ для многихъ языковъ, причемъ звукъ *у*, какъ болѣе сильный, долженъ былъ получить преобладаніе. Этимъ путемъ объясняются соотвѣтственныя части этнографическихъ именъ: *Боруски*, *Херуски*, *Этруски*, *Прусы и пр.*

При такомъ простомъ сближеніи слова *ргвас* съ звукосочетаніемъ *рус* сама собою возникаетъ мысль, что и этнографическое, перешедшее потомъ въ географическое, имя *Русь* можетъ быть объяснено изъ того-же финскаго слова.

Съ филологической точки зрѣнія такое объясненіе представляется не только вѣроятнымъ, но, положительно, вѣрнымъ. Для арійскихъ языковъ переходъ звука *в* въ звукъ *у* доказывается во всей подробности. Посредникомъ служилъ звукъ й, переходящій въ разныхъ языкахъ то въ *й* (*j*), то въ *у*, то въ *в*, въ славянскомъ въ ижицу, соотвѣтствовавшую греческую ипсилону, причемъ и ипсилонъ и ижица произносились то *в*, то *у*, то *и* (Соболевскій «Фонетика ц. слав. яз.» стр. 40). Подобную же роль, повидимому, играла и литовская буква *j*, такъ какъ, напримѣръ, санскритское и зендское *nava* (новый, молодой, свѣжій), въ бенгальскомъ (потомокъ санскрита) *новин* (новый) и *новина* (новая),—по литовски передается *науйас* (*naujas*) и *найас* (*najas*); въ латинскомъ *novus* (новый), (а во множествѣ словъ и одно латинское *и* звучитъ какъ *в*); нѣмецкое «новый» *неў* (neu), при переходѣ въ русскій языкъ передается *ней* или *неу*. Точно также и въ собственно русскихъ словахъ, разныхъ нарѣчій, нерѣдки переходы *в* въ *у*; напримѣръ, въ русскомъ: *ковъ*, *ковать*, *кую*; *совать*, *сую*; или, беря смягченное

у, т. е. *ю*: давать, даю, дай; въ малорусскомъ до сихъ поръ говорится: учора (вчера), заўтра (завтра), забаўка (забавушка, уменьшительное отъ забава); въ бѣлорусскомъ: роўный (ровный), церкоў (церковь), уторекъ (вторникъ), узваръ (взваръ, компотъ) и т. д.

Многіе примѣры подобнаго же соотвѣтствія звуковъ *в* и *у* между группами языковъ: угро-финской и индо-европейской, или арійской, можно найти въ извѣстной статьѣ Кеппена: «О первоначальномъ родствѣ индо-европейскаго и финно-угорскаго племенъ».

При этомъ не забудемъ также, что славянское, какъ и древне-русское, *у* писалось *оу* (а слѣдовательно имѣло нѣкогда соотвѣтственный оттѣнокъ и въ произношеніи).

Если затѣмъ замѣнить въ словѣ *равас* букву *в* древнерусскимъ *оу*, то получится звукосочетаніе *раоуас*,—уже совершенно невозможное для русской рѣчи. Весьма естественно, что это звукосочетаніе должно было распасться, и, сообразно числу гласныхъ буквъ (а, о, у) и особенностямъ произношенія въ разныхъ нарѣчіяхъ, распасться именно на три:

1) *Рус*, впослѣдствіе, при примѣненіи отъ народа къ странѣ и сообразно этому при переходѣ изъ мужскаго въ женскій родъ, смягчившееся въ Русь, преобладаетъ, по рѣзкости гласнаго звука, въ большинствѣ древне-русскихъ памятниковъ письменности, какъ и въ словѣ Бѣло*русъ* (а не Бѣло*рось*).

2) *Рос*, при томъ-же смягченіи перешедшее въ *Рось*, встрѣчается какъ въ нѣкоторыхъ письменныхъ памятникахъ (напр. въ «Русской Правдѣ»), такъ еще до сихъ поръ въ словахъ: Великорось, Малорось, Росія.

3) *Рас*, впослѣдствіи Расея и Расѣя, сохранилось донынѣ въ простонародномъ говорѣ нѣкоторыхъ нарѣчій.

Слѣды переходныхъ формъ видоизмѣненія слова *раѵас*, или *равас*, въ *русь*, *рось*, *рась* имѣются на лицо:

Такъ въ извѣстной таблицѣ академика А. А. Куника о видоизмѣненіяхъ слова Русь («Каспій» Дорна, стр. 672—3) приведены, между прочимъ, слѣдующія формы:

1) *латино*-византійская 839 г. Rhos, указывающая на нѣкогда дѣйствительно существовавшій въ словѣ «Рось» звукъ h (г).

2) древне-болгарское *Роуси* (Русь, Русскій) и древне-сербское прилагательное *роушьскый* (русскій), указываютъ на образованіе *у* изъ *оу* (что впрочемъ доказывается и «Русской Правдой» по Синодальному списку,—гдѣ слово *Русинъ* пишется *Роусинъ* и есть много другихъ словъ также писанныхъ чрезъ *оу*).

На прежнее существованіе въ словѣ *русь* буквы *в* указываетъ неприведенное А. А. Куникомъ латышское слово *Крѣвс*,—которымъ Латыши называютъ русскихъ до нынѣ.

У араба Масуди (X в.) Русы названы *раус* и *равс*, при чемъ Масуди добавляетъ: «ихъ называютъ также *русія*, что значитъ *толпа*», (А. Я. Гаркави, въ Ж. М. Н. Пр. 1872 кн. 4, стр. 223). Понятіе *толпа* очень близко къ понятію *народъ*.

V.

Переходъ окончанія *рус* въ имя этнографическое и географическое *Русь*.

Но, если только-что приведенныя замѣчанія и объясняютъ филологическую возможность перехода слова *равас* въ звукосочетаніе *рус*, и, смягченное, *русь*, то все же

неизбѣженъ вопросъ: какимъ-же путемъ это звукосочетаніе, соотвѣтствующее слову «народъ», т. е. имени нарицательному, могло въ дѣйствительности превратиться въ имя собственное, а затѣмъ еще въ названіе цѣлаго государства?

Къ отвѣту на этотъ вопросъ я уже былъ отчасти подготовленъ моими посильными изысканіями о происхожденіи именъ географическихъ, благодаря чему мнѣ уже извѣстно, что самый обыкновенный способъ образованія именъ географическихъ состоитъ въ томъ, что имя топографическое языка аборигеновъ, или вообще предшествовавшихъ обитателей, непонятное новымъ переселенцамъ, принимается ими какъ имя собственное. Напр. *Орѣховый островъ*, *Орѣшекъ* (нынѣ Шлиссельбургъ); *арех*, по татарско-минусински — *островъ; Варашевъ* камень, утесъ на сѣв. бер. Ладожскаго оз.; *вараш*, по лопарски—*утесъ*; *Финева Гора*, Гдовскаго уѣзда; *фино* по лопарски= холмъ, бугоръ, возвышенность и т. под.

Нѣчто подобное имѣетъ мѣсто и по отношенію къ именамъ этнографическимъ. Разсматривая этнографическія имена, окончанія которыхъ могутъ быть объяснены изъ слова *рагвас*, нельзя не придти къ тому общему заключенію, что во всѣхъ подобныхъ именахъ, гдѣ вторая часть дѣйствительно значитъ *народъ*, первая ихъ часть должна имѣть общій смыслъ слова, объясняющаго какой именно былъ это народъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда этнографическое имя заимствуется народомъ, понимающимъ, что вторая часть заимствуемаго слова значитъ только «народъ», этотъ, заимствующій, народъ или вовсе ее опускаетъ, или же, если по характеру и его языка *этнографичность* слова выражается добавленіемъ слова «народъ», то замѣняетъ окончаніе словомъ *народъ* на своемъ языкѣ. Когда-же заимствующій народъ не понимаетъ значенія заимствуемаго имени, или когда это значеніе забывается, то вторая часть заимствованнаго этнографическаго имени, означающая *народъ*, понимается обыкновенно какъ часть того-же имени и очень часто дополняется, на языкѣ заимствующаго народа, новымъ словомъ, тоже означающимъ «народъ».

Это бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда обѣ части непонятнаго имени передаются (въ рѣчи или на письмѣ, безразлично) въ видѣ одного слова. Но если та и другая часть передаются раздѣльно, то одна часть получаетъ значеніе племенное, а другая такъ сказать — видовое. Затѣмъ, при обобщеніи второй части, — особенно лѣтописцами, одна часть утрачивается, а другая, въ сущности имя нарицательное, превращается окончательно въ общее названіе нѣсколькихъ, иной разъ даже вовсе не одноплеменныхъ народовъ. Самая форма имени прилагательнаго у слова «Русскіе» показываетъ, что нѣкогда существовало, а нынѣ подразумѣвается, какое-то существительное.

Интересно, что къ подобному объясненію происхожденія именно слова Русь уже весьма близко подходилъ (хотя и съ другой точки зрѣнія) нашъ достопочтенный ученый, академикъ А. А. Куникъ, высказавшій между прочимъ (и, очень жаль, что только между прочимъ) въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ соч. академика Дорна, слѣдующее: «Въ 1043 году всѣ восточнославянскія племена уже были соединены въ одно политическое цѣлое, такъ что рядомъ съ именемъ «Русь» считали лишнимъ упоминать древнія племенныя названія» («Каспій», стр. 55—56).

Послѣ этого мнѣ оставалось только поискать: какія же это были при словѣ «Русь» древнія прилагательныя, которыя впослѣдствіи могли утратиться.

Существуютъ названія: Карпатская Русь, Червонная Русь, Галицкая Русь, Угорская Русь, Тьмутараканская Русь, Корсунская Русь, Волжская Русь, при-Азовская Русь,

Холмская Русь, Бѣлая Русь, Малая Русь, Великая Русь, и т. под., но, все это, говорятъ, названія сравнительно новыя. Хотя и странно, что такого большого дробленія вовсе нѣтъ въ другихъ народахъ, которыхъ названія не кончаются на *русь*, однакоже, желая ясности, — я искалъ подревнѣе.

Я нашелъ два: одно, давно замѣченное, — *Варяго-русь;* другое, найденное случайно, это «*Всея Русь*» или, по древнему правописанію, «Всеа Рось».

VI.

Всеа-русь.

Слово *вся*, съ его видоизмѣненіями: *всея*, *всеа*, является спутникомъ слова Русь, (съ его видоизмѣненіями) отъ временъ самыхъ древнихъ и до сего дня, традиціонно сохраняясь до нынѣ въ титулѣ нашихъ императоровъ. Если мы не всегда замѣчаемъ это слово и не обращали на него достаточнаго вниманія въ работахъ историческихъ, то это потому, что значеніе его уже давно стало преимущественно символическимъ. Взятое само по себѣ, въ отдѣльности, слово *вся*, какъ всякое русское слово, конечно, вполнѣ понятно; но стоя при словѣ Русь, не возбуждаетъ ли оно, если вдуматься, нѣкотораго какъ бы недоумѣнія. Что такое *вся* Россія? Въ обыкновенномъ разговорѣ, если говорятъ напримѣръ: домъ, комната, шляпа и т. под., то безъ особой надобности никто не скажетъ: «весь домъ», «вся комната», «вся шляпа» и т. под. Особую-же надобность или смыслъ, слово *вся* при словѣ Русь, можетъ еще имѣть со временъ единодержавія; между тѣмъ оно стоитъ при немъ и въ эпоху болѣе раннюю; по лѣтописи еще подъ 862 годомъ.

Сомнѣнія мои усилились, когда я нашелъ слово, совершенно созвучное слову *всеа* въ томъ же языкѣ финскомъ и съ значеніемъ довольно близкимъ, однако-же имѣющимъ свой, въ данномъ случаѣ весьма существенный, оттѣнокъ.

Слово это *усеа*, или *узеа* (usea) и *усіа* (usia) — смотря по произношенію въ разныхъ мѣстностяхъ и даже разными лицами.

Въ новѣйшихъ финско-нѣмецкихъ лексиконахъ слово *usea* переводится нѣмецкимъ словомъ *viele* (много, многіе); но въ болѣе старинномъ словарѣ Ренвалля, составляющемъ, какъ извѣстно, компиляцію изъ двухъ лексиконовъ прошлаго столѣтія (Юсленіуса, изд. въ 1745 г., и Ганандера, рукописнаго; оба очень солидные и подробные), слово *усіа* (usia) переведено также латинскими словами: *haud unus* (не одинъ), *frequens* (многочисленный, собравшійся въ большомъ числѣ; гдѣ собирается много народа). Имя существительное *усеус* (useus) переведено у Ренвалля нѣмецкими словами: *Vielheit* (многочисленность) и *Menge* (толпа, куча) и латинскими: 1) *frequentia*, т. е. многочисленное собраніе (*frequento* = во множествѣ собирать; frequentatio = скопленіе) и 2) *multitudo* (множество, толпа).

Такой переводъ подтверждается и сходственными словами эстонскаго языка; по эстонски: *юис* (*ühis*, но *h* почти не слышно) значитъ: соединеніе, общность; *уиэус* (Uhisus) = единство, согласіе; *юеус* (üheus) и *ютеус* (üteus) = единство; откуда современное финское *юдистюс* (yhdistys) = соединеніе и *юдистявя* (yhdistäwä) = соединенный.

Легко замѣтить, что всѣ приведенныя финскія и эстонскія слова одного корня со словами арійскихъ языковъ, имѣющими очень сходное значеніе: напр. санскритское *ju* (*ю*) = связывать, juti (юти) = связь; латинское *jus* (юс) = связь, славянское *соузъ*, русскія: *союзъ*, *узелъ*, *связь*, *вязка* и проч.

Итакъ, Всеа-русь, соотвѣтствующее финскому *усеа-равас* (useа rahwas), собственно значитъ: народъ изъ многихъ составленный, или, иначе говоря, *соединенный* народъ.

О томъ, что Русь народъ соединенный, составившійся изъ нѣсколькихъ, говоритъ, какъ извѣстно, и наша лѣтопись, подъ 862 г. Но было ли такое соединеніе дѣйствительно въ 862 г.? На этотъ вопросъ можно основательно отвѣтить, что оно было *не позже* означеннаго года, и только.

VII.

Варяго-русь.

У этнографическаго имени *Русь*, какъ я сказалъ, былъ и другой древній спутникъ, или предшественникъ.

Спутникъ этотъ представляетъ собою слово Варягъ. О «Варягахъ Руси» говоритъ наша лѣтопись, подъ тѣмъ-же 862 г., такъ: «идоша за море, къ Варягамъ къ Руси, сице-бо тіи звахуся Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свие, друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте, тако и си». (Сводн. лѣт., 15). Точно также сохранилась эта связь и въ иноземныхъ источникахъ; напримѣръ, по указаніямъ академика А. А. Куника. («Каспій», стр. 673 и др.) въ латино-византійскихъ источникахъ 1060 г. называются Варанги-Рос (Βαραγγοι-Ῥος), а подъ 1075 и 1079 г., Рос-Варанги (Ῥως-Βαραγγοι).

Въ виду вышеобъясненнаго значенія слова *русь*, первоначальное значеніе словъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ приводитъ къ *первоначальному* правописанію не *Варяги Русь* (отдѣльно) и даже не «*Варяго-Русь*», а *Варяго-русы*, или *Варяго-русь*, т. е. Варяжская русь, Варяжскій народъ.

Какой именно былъ народъ Варяги, — этимъ вопросомъ мы займемся ниже, а теперь для подтвержденія формы Варяго-русь, укажу, что въ подобной формѣ слово или аффиксъ *рус*, съ его видоизмѣненіями *рос* и *рас*, находится и во многихъ другихъ именахъ этнографическихъ; напримѣръ:

На *рус*: Прусы (По-русы), Гвайку*русы* (С. Америка), К*русы* (Либерія), У*русы* (оз. Титикака), Велико*русы*, Мало*русы*, Бѣло*русы*;

На *рос*: Гере*росы* (Ю.-З. Африка), Мескале*росы* (С. Америка), Овагере*росы* (Африка), Сапа*росы* (р. Амазонка), Велико*росы*, Мало*росы*, Булга*рос* (у Константина Парфиророднаго = Болгаре) и пр.

На *рас*: Ко*расы* (Калифорнія), Такагума*расы* (С. Америка), Нико*раосы* (обитатели Нико*раевы*).

Неужели это все случайныя созвучія? Но что же это за наука, которая объясняетъ что либо случайностью? Наука, которая не приближается къ объясненію случайностей, очевидно, идетъ по ложному пути. Въ настоящемъ случаѣ пришлось бы прибѣгнуть къ объясненію Сенковскаго, высказавшаго, что если два народа поставить хотя бы на противоположныхъ мѣстахъ земного шара, но въ совершенно одинаковыя условія, то

они заговорятъ совершенно одинаковымъ языкомъ. Но отчего же (если ужь мы отвергаемъ всеобщность потопа) не допустить гипотезу, что, коль скоро человѣчество живетъ уже болѣе 100,000 л. и, съ другой стороны, нашествія однихъ племенъ на другія становятся все менѣе значительны и менѣе вліятельны, то, идя обратно, въ древности дѣйствительно могъ быть народъ, распространившій свое вліяніе и свой языкъ на всѣ, или почти на всѣ страны.

Такой народъ современною наукою даже уже намѣченъ; хотя высказаться категорически никто и не рѣшается, однакоже, самые разностороннія изслѣдованія ведутъ къ его признанію среди народовъ монголоидныхъ. Къ монгольскому племени причисляютъ, съ одной стороны, первоначальныхъ обитателей всей Америки, а съ другой — Финновъ, связь которыхъ съ Монголами, по увѣренію Кастрена, удастся установить весьма скоро. Къ Монголамъ-же или, покрайнѣй мѣрѣ, къ монголоиднымъ народамъ, относятъ и населеніе Китая, этой «колыбели цивилизаціи», а слѣдовательно и всѣхъ современныхъ языковъ, такъ какъ современные, плавныя языки принадлежатъ уже не первобытнымъ мѣстнымъ общинамъ, а цивилизаціи.

Положеніе Китая предоставляло ему возможность въ то время, когда онъ еще не замуравился въ своей Великой стѣнѣ, а жилъ полной жизнью, распространить свое вліяніе какъ на Америку, чрезъ узкій Беренговъ проливъ, такъ, и тѣмъ болѣе, на всю Европу, которая по пространству — лишь полуостровъ Азіи. Сравните китайское *гáо* (высокій) со словами того-же или подобнаго значенія (высота, вышина, высоко, возвышенность, холмъ, гора, лѣсъ и т. п.) въ другихъ языкахъ и найдете *сотни* словъ очевидно общаго корня въ языкахъ самыхъ разнородныхъ филологическихъ группъ, какъ Стараго такъ и Новаго Свѣта.

Цивилизацію Китая затмила и языкъ ея пополнила цивилизація передней Азіи: Гиттовъ, Арамейцевъ, Ассиріи, Вавилона, Финикіянъ, Арабовъ, распространясь и на Европу, создавъ здѣсь обственно-Финновъ.

Что бы понять, что культура собственно-Финновъ имѣетъ связь съ Ассиріей, достаточно обратить вниманіе, что *Юма*, по ассирійски — *солнце*, а по черемисски — Богъ; по фински-же Богъ — *Юмала*. И такихъ многоговорящихъ сопоставленій можно сдѣлать далеко не одно.

Но пока возвратимся къ Руси, именно къ ея предполагаемой древнѣйшей формѣ и посмотримъ не найдемъ ли и другаго пути перехода *раоуас* въ *Русь*.

VIII.

Роксолане и группа этнографическихъ окончаній: лане, ане, яне, яйне и т. п.

Первая часть названія Роксалане (Roxalani), или Роксоланы (Ρωξολανοί), которое уже неоднократно сопоставлялось учеными съ именемъ Русь, весьма легко производится изъ того-же финскаго слова *раѣвас* (rahwas), т. е. народъ, при его переходѣ въ славянское *русь* чрезъ *раоуас*, представляя собою лишь одно изъ его видоизмѣненій, въ которомъ звукъ *h* вмѣсто выпаденія, напротивъ, усилился, но зато выпали звуки *у* и *а*, что весьма естественно при усиленіи звука *к*. Если-же взять форму *рауас*, то вмѣсто выпаденія *а* и *у*, является ихъ соединеніе въ *о*, еще легче объясняемое.

Переходную форму представляетъ названіе *Рокасы* (Rocas), народа упоминаемаго Іорнандомъ въ перечисленіи народовъ, покоренныхъ готскимъ королемъ Германрикомъ (IV в.). Какого бы племени ни былъ этотъ народъ, его названіе объясняется изъ приведеннаго финскаго слова; посредникомъ или быть можетъ, сотрудникомъ служилъ одинъ изъ угро-финскихъ-же языковъ, именно венгерскій; по венгерски *ракаш* (*rakas*, нѣмецкое *Menge*) = толпа, куча, множество, гурьба, (арава, орда).

Народъ — понятіе сравнительно новое; во многихъ языкахъ оно одного корня со словомъ *племя* (напримѣръ французское peuple, англійское people, нѣмецкое Volk); у другихъ народовъ, особенно покоренныхъ пришлыми, фигурировали для выраженія того же понятія разныя *аравы* и *орды*. Эти нарицательныя имена, не будучи понятными другому языку, принимались сосѣдями какъ имена этнографическія, а затѣмъ переходили и въ географическія.

Подобные переходы этнографическаго имени — не рѣдкость.

Относительно, напр., татарской орды достовѣрно извѣстны выраженія въ родѣ «поѣхалъ въ Орду», гдѣ слово *орда* употребляется какъ всѣмъ извѣстное *мѣсто*. Точно также на старинныхъ ландкартахъ мѣста нѣкоторыхъ ордъ означаются какъ имена географическія. Если бы мы не свергли татарскаго ига, и Татары утвердились бы во главѣ Россіи, то чрезъ нѣсколько столѣтій Орда могла стать нашимъ и этнографическимъ и географическимъ именемъ.

Примѣръ этотъ наглядно поясняетъ намъ какимъ путемъ могло превратится въ этнографическое и затѣмъ въ географическое, и финское слово *равас*. Оно точно также первоначально должно было означать народъ не въ томъ смыслѣ, въкакомъ это понятіе представляется намъ нынѣ, а въ томъ, какимъ оно было во время первоначальнаго появленія, т. е. очень близкомъ къ понятію *арава*, *орда;* но затѣмъ, по мѣрѣ развитія государственнаго строя и осѣдлости въ этой аравѣ, соотвѣтственно видоизмѣнялось значеніе и ея первоначальнаго названія.

Доказательствомъ тому, что подобное производство дѣйствительно имѣло мѣсто въ отношеніи именно къ слову Русь служитъ вышеприведенное (въ замѣткѣ IV) свидѣтельство Масуди о значеніи слова Русія (въ подлинникѣ по словамъ А. Я. Гаркави,— *Арусія*, или, если предположить пропускъ буквы *л*—*аль-русія*), которое Масуди поясняетъ арабскимъ словомъ *аль-джаммъ*, а это А. Я. Гаркави переводитъ въ одномъ мѣстѣ русскимъ словомъ *множество* (Доп. къ «Сказаніямъ» стр. 31), въ другомъ *толпа* и латинскими *multus* и *turba*. Латинское *multus* переводится: многій, большой, значительный, пространный, *turba* = безпорядокъ, давка, толпа, множество, куча. Всѣ эти видоизмѣненія вполнѣ обобщаетъ именно слово *арава*.

Окончаніе этнографическаго названія Роксолане, принадлежитъ къ группѣ этнографическихъ окончаній *лане*, *ане*, *яне* и т. п. Къ этой группѣ принадлежатъ также названія: Славяне, Москвитяне, Древляне, Поляне, Цыгане, Финикіяне, Алане, Англичане (у Нестора Англяне), Армяне, Вавилоняне, Ассиріяне, Сиріяне, Зыряне и многія другія.

Это, конечно, не значитъ, что всѣ эти народы единоплеменны, но указываетъ, что нынѣшняя форма окончаній ихъ русскихъ названій произошла отъ одного корня или аффикса.

Аффиксъ этотъ въ русскомъ языкѣ, независимо отъ близости своей къ вышеприведенному латинскому (laui или alani), общій и для финскаго языка, который этно-

графичность слова выражаетъ почти такъ же; напримѣръ, по фински: Финнъ—Суома-*лайнен* (Suomalainen), Русскій — Вена*лайнен* (Wenäläinen), Нѣмецъ, — Саксa*лайнен* (Saksalainen) и т. п.

Разсматриваемый аффиксъ объясняется изъ финскихъ словъ: 1) *ляйя* (läjä) = куча, груда, громада, скопище, толпа, стая, стадо, группа; 2) ляйяинен (läjäinen—läjäenen) = скученный, въ кучу собранный. Въ видѣ флексіи, видоизмѣненіе тѣхъ же словъ находится въ окончаніи нѣкоторыхъ финскихъ словъ, въ смыслѣ «что либо, (или, по русски, гдѣ либо), обитающій», наприм., *метсяляйнен* (metsälainen) переводится нѣмецкимъ waldbewohnend, буквально: лѣсъ обитающій, или, по русскому обороту рѣчи: въ лѣсу обитающій, лѣсъ заселяющій.

Если бы мы на основаніи указанія окончанія *яне* пожелали объяснить слово Славя*не*, то окончаніе послѣдняго этнографическаго имени покажетъ намъ, что это *слово* произошло отъ названія народа, обитавшаго въ такой мѣстности, изъ названія которой могли образоваться звукосочетанія: *слав*, *слов* или *слоу*. Такимъ мѣстомъ является Солунь, (Θессалія). Солуайне, Слоуяйне, Словяне — словопроизводство весьма правдоподобное, а народное прозваніе нашихъ Первоучителей солунскими дѣлаетъ и все объясненіе весьма вѣроятнымъ.

Подобнымъ же образомъ и окончаніе названія *Роксоланы* указываетъ намъ на народъ, заселявшій страну, уже носившую названіе *Рокс*.

Но изъ этого слѣдуетъ, что финское слово ragvas (rahwas) перешло не только въ названіе народа, но и въ названіе его страны, очень давненько: еще ранѣе, чѣмъ то и другое вылились въ окончательную свою форму *Русь*.

Однакоже, и времени было довольно. Въ первый разъ Роксолане упоминаются въ исторіи за 94 г. до Р. Х. Въ V вѣкѣ по Р. Х., вслѣдствіе какого то нашествія, имя ихъ исчезаетъ изъ историческихъ источниковъ.

Но исчезновеніе имени народа со столбцовъ лѣтописи еще не означаетъ исчезновенія самаго народа.

Народъ, насѣвшій на страну Роксоланъ, или по крайней мѣрѣ, сидѣвшій на ней до отнятія у него власти Варягами, извѣстенъ нашимъ лѣтописцамъ подъ именемъ Казаръ, или Хазаръ. Казары, по свидѣтельству нашей лѣтописи (подъ 859 г.), взимали дань и на Поляняхъ и на Сѣверянахъ и даже на Вятичахъ. Но главная осѣдлость Казаръ почти въ точности совпадаетъ съ райономъ нынѣшней осѣдлости донскихъ козаковъ (части народа, называемаго Мало*росами*), а между Дономъ и Днѣпромъ жили, по Страбону, и Роксалане.

Названіе Казары можетъ быть объяснено также изъ финскаго языка, именно изъ слова *каза* (kasa), значущаго почти то-же, что и вышеприведенное *ляйя* (läja), именно: *куча*, *толпа*, *скопище*, *громада* (или, что почти то же: *орда*, *орда*) и конечнаго *ра*, объясняемаго какъ флексія отъ финскаго же слова *ragvas* (rahwas) т. е. народъ. *Ра*, очевидно, приставлено послѣ, когда *каза* получило уже этнографическій смыслъ, или-же, и это вѣрнѣе, *каза* заимствовано финскимъ языкомъ изъ другаго, вѣроятно, изъ тюркскаго или быть можетъ, изъ арабскаго. Арабскій ученый аль-Масуди (920—950) называетъ Казаръ *Хазраджъ* (Гаркави, стр. 125), какъ называется и одно изъ арабскихъ племенъ (id, стр. 126 и 183); окончаніе, *радж* можетъ быть объяснено какъ флексія отъ слова *раджэлъ*, по арабски = человѣкъ, (или отъ его производныхъ). *Хазара*, по Веберу (русск. перев. т. V стр. 4) означаетъ «осѣдлые арабы», (осѣдлыми

могутъ быть не только земледѣльческіе народы). Въ финскомъ языкѣ немало словъ арабскихъ, какъ я покажу въ другомъ мѣстѣ.

Послѣ всего сказаннаго замѣченная Сенковскимъ связь словъ *каз* и *гусь* объясняется тѣмъ, что не «*каз*» отъ «*гуся*», а «гусь» произошло отъ «каза», какъ названіе птицы, летающей *стаей*, а стая понятіе однородное понятіямъ: арава, орда.

И такимъ путемъ изъ простыхъ словъ, означавшихъ (на разныхъ языкахъ) нѣчто вродѣ аравы и орды, образовались названія конечно не одной только Руси и Казаръ, а, вѣроятно, много, и даже очень много, именъ этнографическихъ[1]). Это такъ просто, что я недоумѣваю, какъ оно могло не обратить на себя вниманія ученыхъ раньше. Исторія любого государства представляетъ намъ его сначала въ видѣ небольшихъ отдѣльныхъ общинъ, которыя потомъ, путемъ ли преобладанія одной изъ нихъ, путемъ-ли взаимнаго соглашенія, союза, или путемъ внѣшняго завоеванія, сплачиваются во-едино, образуя одинъ народъ и одно государство, принимающее общее, безобидное для всѣхъ имя. (Новѣйшій примѣръ: Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты).

А теперь перейду къ объясненію слова *варягъ*.

IX.

Вар-ягъ и группа этнографическихъ именъ на яг (съ его видоизмѣненіями).

Этнографическое имя Варягъ по своему окончанію принадлежитъ къ группѣ этнографическихъ именъ на *яг*, *ак*, съ ихъ видоизмѣненіями, къ которой принадлежатъ также: Боснякъ, Валахъ, Вотякъ, Гилякъ, Казакъ, Карьякъ (Карелъ) Кипчакъ, Козакъ, Корякъ, Мещерякъ, Остякъ, Пермякъ, Полякъ, Ятвягъ и пр.

Окончаніе это объясняется изъ остяцкаго слова *jag*, или *jah* (йаг, йах, яг, ях), которое одинаково означаетъ какъ *дымъ*, такъ и *люди* (интересная связь представленія о дымѣ, о кострѣ, съ представленіемъ о разложившихъ его, единственныхъ существахъ, которыя могутъ разложить костеръ, — о людяхъ).

Кромѣ того оно же употребляется и въ смыслѣ народа. Въ этомъ смыслѣ употребляютъ слово *яг* и сами Остяки, называющіе себя *Ас-яг*, объясняя, что *Ас* значитъ рѣка Обь, а *якъ*=народъ, такъ что *Ас-яг*, означаетъ: Обскій народъ.

Примѣняя изложенное объясненіе къ слову Варяго-русь, нельзя не замѣтить, что въ такомъ случаѣ корень слова *(Вар)* оказывается имѣющимъ двѣ приставки: *яг* и *рус*, обѣ означающіе «народъ», т. е. одно и тоже. Какъ это на первый взглядъ ни странно, однакоже, мы имѣемъ здѣсь не единственный примѣръ подобныхъ двойственныхъ означеній въ окончаніяхъ этнографическихъ. Только-что мы видѣли это при объясненіи слова Казары, гдѣ *Каза* и *ра*, *почти* синонимы, притомъ оба принадлежатъ финскому языку; но замѣнимъ второе (ра) остяцкимъ *яг*, или *як*; получимъ *казаяк*, или сокращенно: казакъ. Сближеніе, какъ мы видѣли, весьма правдоподобное. По самоѣдско-камашински *хазак*=русскій. Такую-же замѣну можно сдѣлать и въ словахъ: Поляне и Полякъ, Карелы и Карьяки, а приставляя къ слову Вотъ окончаніе *як*,

1) Между прочимъ замѣчу, что «Кимвры» иначе «Цимбры», объясняется изъ эстонскаго *Кимп* (Kimp) = союзъ, общество, узелъ, и того-же «*ра*»

узнаемъ, что обитатели Вотьской пятины Великаго Новгорода и Вотяки были одно и тоже, что подтверждается и многими именами географическими Петербургскаго края, легко объясняемыми изъ языка вотяцкаго и его братьевъ: зырянскаго и пермяцкаго[1]).

Затѣмъ, если мы сопоставимъ слово Мещерякъ со словомъ Мещ*ера*, означающимъ, какъ извѣстно, названіе того же народа, то послѣ сказаннаго выше, въ замѣткѣ V, о видоизмѣненіи окончаній именъ этнографическихъ, заключающихъ въ себѣ слово «народъ», не трудно понять, что слово Мещерякъ составилось изъ слова Мещера, съ подобнымъ же добавленіемъ къ этому послѣднему слову остяцкаго окончанія *яг*, или *як*, и съ опущеніемъ, для благозвучія, буквы *а*. Объясняется это очень просто тѣмъ, что Остяки, заимствуя слово Мещера, не понимали, что послѣдній его слогъ уже означаетъ этнографичность этого слова, и желая, по характеру и своего языка, точно также отмѣтить этнографичность заимствуемаго слова, вмѣсто того, чтобы его послѣдній слогъ *ра* замѣнить имѣющимъ на ихъ языкѣ то-же значеніе слогомъ *яг*, — прибавили этотъ слогъ, по обыкновенію, къ концу слова.

Подобныя же ошибки, дѣлаются и понынѣ, даже нѣкоторыми учеными; напримѣръ, мы говоримъ: Ингер-*ман*-ланд-*цы* и не замѣчаемъ, что приставка *цы*, выражающая этнографичность слова, уже заключается въ его слогѣ *ман*, образовавшемся еще въ то время, когда оно являлось въ формѣ только *Ингерман*. Но и въ словѣ *Ингерман*, какъ я покажу ниже, слоги *ман* и *ер* почти синонимы, въ разное время приставленные къ корню *инг* (Инг-ер-ман).

Вообще, повторяемость окончаній одинаковаго значенія, при заимствованіи этнографическихъ именъ однимъ языкомъ у другаго, весьма обычна.

Подобнымъ же образомъ и въ греческой передачѣ слова Варяго-рось, именно въ Варангои-Ргос (Βαραγγοὶ-Ῥhος) окончаніе *ои* объясняется какъ флексія, свойственная греческому языку для означенія этнографичности слова, всего вѣроятнѣе произшедшая изъ слова, имѣвшаго одно происхожденіе и значеніе съ русскимъ словомъ *рой*, которое нынѣ, за избыткомъ у насъ другихъ словъ, употребляется почти исключительно, когда говорятъ о насѣкомыхъ: *рой* пчелъ, *рой* комаровъ, мухъ и пр.; тогда какъ про лошадей говорятъ — табунъ, про животныхъ вообще — стадо, про рыбъ — руно, про птицъ—стая, но въ греческомъ еще сохраняло смыслъ «народа». Сравн. греч. Нев*рои* (Невры), Тав*рои* (Тавры) Нава*рои* (Навары, у Птоломея), Таг*рои* (Тагры, и пр).

По гречески *рое* (ῥοη) = потокъ, струя, теченіе; *рео* (ῥεω) = течь, струиться, двигаться; корень здѣсь *рео* (ῥευ), отъ котораго и русское *рѣять*, *рѣка;* отчего во многихъ языкахъ одинаковы окончанія названій рѣкъ и именъ этнографическихъ. Отъ того-же корня, повидимому, и окончанія французскихъ: Hon*grois*, Bava*rois*, а съ выпаденіемъ *r*, также Chinois, Suédois и пр., съ другой-же стороны, и таджикское (бухарское) *райэт* = народъ. Быть можетъ и русское *родъ*, имѣетъ корень въ томъ-же *рой*, подобно тому какъ старинное *Свеи* превратилось въ нынѣшнее *Шведы*.

---

1) Напр. *выр*, по вотятски=*холмъ*, выро=*холмистый*, и Выра, дер. СПБ. губ., между станціей Сиверской и с. Рождественно, дѣйствительно находится въ мѣстности выдѣляющейся своими халмами надъ окружающей ихъ равниной.

X.

Варяги, Остяки и Угры.

Предлагая испытать новый методъ объясненія этнографическихъ *словъ*, я далекъ отъ намѣренія предлагать въ моихъ отрывочныхъ замѣткахъ собственное рѣшеніе вѣковаго варяжкаго вопроса по его существу; но такъ какъ каждое объясненіе требуетъ хоть какихъ нибуть подтвержденій, то и я не могъ не задаться вопросомъ: что же общаго можетъ быть между Остяками и Варягами?

Оказывается, что не только «можетъ быть», но дѣйствительно есть, и при томъ нѣчто такое, что само собою, помимо объясненія окончанія *яг*, должно бы раньше меня указать ученымъ на эту связь.

Ища Варяговъ, мы всегда обращаемся къ окрестностямъ Балтійскаго моря; отойти куда нибудь подальше, какъ норманисты, такъ и слависты, точно боятся. Между тѣмъ наша первоначальная лѣтопись очертила территорію, на которой «сидѣли» Варяги, довольно широкою и притомъ, по своему времени, очертила довольно точно. Несторъ говоритъ о распространеніи Варяговъ такъ: «по сему-же морю (Варяжскому) сѣдятъ Варязи сѣмо *къ востоку* до предѣла Симова (т. е. до Азіи); по тому-же морю сѣдятъ (они) *къ западу* до земли Англянски и Волошьски» (собственно до Валахіи, но можетъ быть и до Валлійской, а по А. А. Кунику до Нормандіи).

Здѣсь, если не мудрствовать лукаво, подъ варяжскимъ, судя по границамъ: до Азіи — на востокѣ, и до Англіи — на западѣ, очевидно разумѣется не одно Балтійское, а вообще все море, омывающее съ сѣвера берега Европы; тѣмъ болѣе что какого либо другаго сѣвернаго моря Несторъ не упоминаетъ.

Затѣмъ, сказавъ, что Варязи принадлежатъ къ Афетову колѣну, т. е. къ европейскимъ народамъ, нашъ прото-лѣтописецъ перечисляетъ тѣхъ Варяговъ, которые «пресѣдятъ отъ запада къ полуденью», и говоритъ: «сіи Варязи именуемыи: Свеи, Урмане (или Нурманы), Готе, Русь, (или Готе-русь, Готскій *народъ?*), Англяне (отъ Ang-laine), Галичане, Ляхове (отъ *rahwa*-же, съ весьма обыкновеннымъ переходомъ *р* въ *л*), Волхове (Валахи, отъ Вал-яг, а *Вал* отъ *валъ, вали валомъ*, кучей, толпой), Римляне (послѣ 455 г.?), Нѣмци, Корлязи, Вендици, Фрягове (отъ Фе-*рагвы*) и прочіи».

Пропускъ Греціи въ этой второй части перечня варяжскихъ народовъ даетъ основаніе полагать, что мѣсто это заимствовано изъ греческаго источника, гдѣ варягами названы всѣ иноземные, не греческіе народы и въ томъ числѣ, конечно, названа и Русь. Если же принимать извѣстіе Нестора буквально, то его надо понять въ томъ смыслѣ, что Варяги былъ такой народъ, который «сидѣлъ», въ смыслѣ властвовалъ, нѣкогда надъ всѣми въ этой территоріи жившими, подобно тому какъ надъ нами сидѣли затѣмъ татары, занимая территорію не меньшую, но вмѣстѣ съ тѣмъ не исключавшіе возможности сохраниться на ней не только славянамъ, но и разнымъ мелкимъ народцамъ. Самъ лѣтописецъ подъ 865 г. указываетъ на такой характеръ «сидѣнія» Варяговъ, называя ихъ пришельцами, *находниками* («находници Варязи»), тогда какъ сидѣвшіе *подъ ними* народы именуетъ «насельниками», т. е. населявшими страну. Если затѣмъ обратить вниманіе, что народъ этотъ исчезъ почти безслѣдно, какъ и Татары, то нетрудно понять, что это былъ народъ хотя и воинственный, но низшей культуры, потому что «сядь» на Европу столь-же большой, но только культурный народъ, то онъ

не сохранилъ бы въ ней не только мелкіе народцы, но и на самый Римъ наложилъ бы печать своего просвѣщенія (и по меньшей мѣрѣ самъ бы написалъ свою исторію).

Народъ же вродѣ татаръ могъ явиться только изъ Азіи или, слѣдуя въ точности указанію Нестора, изъ странъ, сопредѣльныхъ съ Азіей (хотя впослѣдствіи его прозваніе могло перенестись на жившій въ той же территоріи коренной народъ, и хотя бы на нѣсколько, вовсе даже не одноплеменныхъ).

Вотъ первая связь Варяговъ съ Остяками.

А затѣмъ, я сказалъ выше, что Остяки объясняютъ свое названіе словами *Ас* и *яг*. Но такъ объясняетъ свое названіе только часть Остяцкаго народа. Другая часть называетъ себя Конды-ху, производя это названіе отъ области Конды и отъ китайскаго слова, означающаго: общество, община, страна.

Конда, по берегамъ которой простирается земля означенныхъ Остяковъ,—рѣка Тобольской губерніи; но то-же слово входитъ въ составъ многихъ географическихъ именъ на нашемъ европейскомъ сѣверѣ: въ Архангельской губерніи въ Онежскомъ заливѣ Бѣлаго моря есть Конд-островъ; въ Пермской губерніи есть рѣка Кондась, въ Онѣжскомъ озерѣ Кондо-пашскій заливъ, въ Олонецкой губерніи Кондушское болото; въ Новгородской и даже въ Петербургской губерніяхъ не мало географическихъ именъ съ корнемъ *конд*. Съ другой стороны окончаніе названія Самар*кандъ* очевидно того-же корня. На картахъ въ атласѣ Blaeu 1642 г., (составленныхъ по свѣдѣніямъ, еще болѣе раннимъ), Кондора (Condora), т. е. Кондскій народъ, показанъ къ западу отъ Обдорцевъ (Obdora) и не въ Сибири, а въ Архангельской губерніи, между Пермью и Чешской губой. О прежнемъ значеніи обоихъ этихъ народовъ (Кондоры и Обдоры) видно изъ того, что они помѣщены въ Императорскомъ титулѣ и притомъ стоятъ въ немъ среди княжествъ, вслѣдъ за Бѣлозерскимъ и Удорскимъ и выше Витебскаго и Мстиславскаго.

Лучшіе изслѣдователи Остяковъ, Лербергъ и Кастренъ, не сомнѣваются, что Остяки тожественны съ древними Уграми, или Югрsuperимъ. По Императорскому титулу Югорская земля еще въ 1488 г. — (когда имя ея вошло въ этотъ титулъ), — была на столько значительна, что считалась какъ и Конда, Великимъ княжествомъ; а древніе Новгородцы, воюя съ нею, были не разъ побѣждаемы.

Наша лѣтопись Уграми (подраздѣляя ихъ на Бѣлыхъ и Черныхъ) называетъ также Венгровъ, и современныя изслѣдованія доказали общій корень венгерскаго языка съ языками Вогуловъ и Остяковъ.

Съ другой стороны изслѣдованія Д. П. Европеуса, по корнямъ именъ географическихъ, показали, что древніе Угры занимали весь сѣверъ Европейской Россіи, всю Финляндію и въ Швеціи по крайней мѣрѣ весь ея сѣверъ, а къ югу распространялись до Новгорода, Калуги и Казани (см. карту при соч. Д. П. Европеуса «Объ угорскомъ народѣ»)[1]).

1) Не понимаю почему почтеный ученый сравнивалъ только корни, когда, судя по Петербургскому краю съ его окрестностями, цѣлыхъ словъ, объясняемыхъ изъ угорскихъ языковъ весьма просто, однимъ сопоставленіемъ, великое множество среди именъ географическихъ нашего сѣвера. Причемъ многіе могутъ быть объяснены вполнѣ доказательно; напримѣръ: *Лисій Носъ*, мысъ на с. берегу Финскаго залива противъ Кронштадта, по писцевой книгѣ 1500 г. названъ Коринъ носъ, на шведскихъ ландкартахъ XVII в. *коро-пепа*; *коро*, по остяцки=песокъ, и мѣстность Л. Н. дѣйствительно извѣстна своими песками. *Аура*, р. въ Финляндіи, у города Або; *Аура*, по вогульски=глубокій (рѣка Аура судоходна). *Ияраги*, оз. въ Финляндіи; *Ии* по самоѣдски=вода. *Вить*, дер. при рѣчкѣ Виткѣ, Новоладожскаго уѣзда; *вить*, по вогульски, какъ и по самоѣдско-обдорски,=вода, и т. д. Сравненіе только корней аргументъ, не убѣдительный, такъ какъ корни одни и тѣ-же почти во всѣхъ языкахъ.

Одно сопоставленіе такого широкаго распространенія Угорскаго племени въ древности съ вышеприведеннымъ лѣтописнымъ очеркомъ территоріи «сидѣнія» Варяговъ, должно-бы заставить историковъ, непредубѣжденныхъ диллемою скандинаво-славянскою, обратить вниманіе на связь Варяговъ съ Востокомъ.

Кромѣ того наша лѣтопись, можно сказать, *переплетена* свѣдѣніями объ Уграхъ. Сначала сообщается, что «Угры почаша быти (т. е. стали извѣстны по источникамъ лѣтописца) при Ираклiи царѣ (византійскомъ, ок. VII вѣка), когда ходили на персидскаго царя Хозроя. Подъ 898 годомъ сообщается о проходѣ Угровъ, откуда-то съ востока, мимо Кіева и затѣмъ чрезъ Угорскія (Карпатскія) горы въ Венгрію, гдѣ прогнавъ Волоховъ, насѣли вмѣсто нихъ на раньше жившихъ тамъ Славянъ и начали воевать съ Греками, завоевавъ Ѳракію и Македонію даже до Салуни, а также съ Моравами и Чехами. Подъ 902 г. помѣщено извѣстіе о походѣ царя Леонта съ Уграми на Болгаръ. Подъ 934 или, по другимъ спискамъ, подъ 943 г., извѣстіе о походѣ Угровъ на Царьградъ. Подъ 967—969 г.г. сообщается, что Святославъ, успѣшно воюя на Дунаѣ и перенеся свою резиденцію изъ Кіева въ Переяславль Болгарскій (такъ какъ считалъ его тогдашней серединой земли своей), «съ Угры-же имѣлъ любовь и согласіе твердое», получая изъ Чехіи и «изъ Угорь» серебро и коней, а изъ «Руси» (Кіевской) кожи, воскъ, медъ и рабовъ. Подъ 1014 г. сообщается объ обѣщаніи князя Владиміра отдать любимую свою дочь за князя Угорскаго. Затѣмъ въ теченіе того-же XI вѣка неоднократно приводятся сообщенія о борьбѣ Русскихъ съ Угорскимъ королемъ Коломаномъ, который, по польскимъ лѣтописцамъ, былъ даже объявленъ два раза царемъ и самодержцемъ всея Россіи. Еще и въ 1146 г. Изяславъ въ союзѣ съ Уграми приходилъ въ Кіевъ на князя Юрья, а въ 1240 г. князь Михаилъ Всеволодовичъ, бѣжалъ отъ Батыя къ Уграмъ-же. Вообще связь Кіевской Руси съ Уграми по лѣтописи представляется болѣе тѣсною, чѣмъ даже съ Великороссіею.

Съ чего бы такое особое вниманіе нашихъ древнихъ лѣтописцевъ къ Уграмъ?

XI.

Объясненіе слога „Вар“ въ словѣ „Вар-ягъ“.

Объясненіе окончанія *яг* изъ остяцкаго языка заставляетъ искать объясненія и корню слова Варягъ, т. е. слогу «Вар», прежде всего въ томъ же языкѣ.

И дѣйствительно слогъ «вар» точно также легко объясняется изъ остяцкаго-же языка.

Варг, по остяцко-самоѣдски, и *варга*, по самоѣдско-камасински, значитъ *большой; уарга*, по самоѣдско-томски, значитъ — *велико*. О легкости выпаденія звука *г* и *h*, во многихъ языкахъ, сказано было уже выше; необходимость же его выпаденія при переходѣ слова *Варг-яг* въ русскій языкъ понятна каждому русскому безъ особыхъ объясненій. Но звукъ этотъ здѣсь вѣроятно и принадлежалъ не собственно остяцкому, а самоѣдскому языку, такъ какъ, хотя неимѣніе подробныхъ словарей остяцкихъ языковъ и лишаетъ возможности прослѣдить это въ подробности, но напримѣръ *вышина*, слово очевидно той же основы, какъ и *большой*, по самоѣдско-камасински=*пар* (phar), а по *остяцко*-самоѣдски *пар*; отъ *пар*, происходитъ и *пар-ма* — высокая земля, вы-

сокое мѣсто, возвышенность, (русское Пермь съ прозвищемъ Великая); въ вогульскомъ языкѣ, для котораго, такъ же какъ и для остяцкаго, нѣтъ подробныхъ словарей, тотъ же корень сохранился въ словахъ, означающихъ лѣсъ: по вогульски: *вор*, *вар*, *варь* и *уарью*. Подобно этому и въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ, *лѣсъ* и *гора*, отъ одного корня: высокій, большой, (напр. «лѣсъ» по болгарски и словацки *гора*). По зырянски лѣсъ — *вэр*; по мордовски *вэр* — верхъ, верхняя часть; по эрзянски *вэрэ* = верхній, а лѣсъ по мордовски (обоихъ нарѣчій)—*вир*, *вирь*, по вотяцки-же *выр* — холмъ, *выро* — холмистый; по лапарски *варэ* — гора; по фински гора — *вāра* (waara) и *вуори* (wuori); *когія-вара*, по карельски — *холмъ*. Всюду видимъ *р* безъ *г*.

И такъ, *Варг-яг*, или послѣ выпаденія звука *г*,—*Вар-яг*, по остяцки буквально значитъ: *Большой народъ*, а по славянски *Великій народъ*, или, какъ вышесказано, *Великая-русь*, затѣмъ — *Великая Русь*, одинаково соотвѣтствовавшее нынѣшнимъ: *Великоросъ* и *Великоросія*.

XII.

„Народъ“, „арава“, и „дружина“.

Интересно также, что находящимся въ лѣтописи, подъ 862 г., словамъ: «пояша по себѣ *всю Русь*» соотвѣтствуютъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, слова: «пояша по себѣ *дружину многу*».

Дружина — понятіе одного корня съ понятіями: *арава*, *орда*, *куча*, *груда*, *народъ*, а *много*, *множество*, *все*, *весь*, *связь*, *союзъ* подобнымъ же образомъ сходны между собою; такъ-же сходны по корню и слова: *дружина*, *другъ* и *другой*.

Очень возможно, что эта близость *понятій*, имѣя соотвѣтстіе и въ фонетической близости словъ, означающихъ тѣ-же понятія въ языкахъ угро-финскихъ, привела лѣтописца или преданіе къ смѣшенію и словъ: «большая дружина» «большая арава» (рауас, народъ) и «рус», затѣмъ передѣланное въ «Всю-Русь». Общій-же смыслъ не тотъ, что князья привели съ собою всю Русь (это уже просто нелѣпость) и даже не весь родъ, а, какъ и послѣ того бывало, именно большую дружину. Въ этомъ случаѣ, т. е. въ этомъ мѣстѣ лѣтописи, *Русь* дѣйствительно могла произойти изъ «дружины» вслѣдствіе свободнаго перевода словъ одной и той-же основы, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что бы и въ дѣйствительности названіе *дружина* дало имя Руси.

Подобнымъ образомъ и въ латино-византійскихъ Варангои-Ргос и Ргос-Варангои [см. замѣтку (IX)] эти *ргос* могли соотвѣтствовать слову «дружина», именно; *Великорусская дружина* (или отрядъ). Этимъ объясняется въ опубликованномъ В. Г. Васильевскимъ отрывкѣ изъ Атталіоты сходство значенія словъ *Варяги* и *Русы*: *Великоруссы* и просто *Русы*, *Русскіе* и нынѣ употребляются одно вмѣсто другаго.

Но кто-же были эти Великоруссы?

Связь Остяковъ съ Уграми и Угровъ съ Венграми заставила меня обратить вниманіе на двойственность названія послѣднихъ.

XIII.

Маджары и Манджуры простое-ли созвучіе?

Венгры, которыхъ нѣмцы называютъ Ungaren, т. е. Уграми, Французы—*Hongrois* (очевидно, отъ того-же корня, свидѣтельствующаго о дѣйствительной ихъ связи съ Уграми, а, слѣдовательно, съ Остяками и Вогулами, что засвидѣтельствовано и новѣйшими изысканіями о языкахъ этихъ народовъ), — сами себя называютъ *Маджар*, или *Мадьяр* (Magyar).

Вогулы сами себя называютъ *Манзи* или *Манзы*, а Остяковъ *Манзы* и *Манш-кум*.

Вотяки зовутъ Вогуловъ *Мансі*.

Зыряне называютъ Вогуловъ *Майнцы* и *Йбгра* (т. е. Уграми).

Мáнь-цзы, по китайски, значитъ *инородецъ*.

Манджуры, владѣющіе обширной Китайской имперіей, но въ которой они все же инородцы, называютъ себя Маньчжу; Маньчжурія по манджурски называется Маньчжу-ба (ба — мѣсто, страна).

Все это простыя созвучія?

Я самъ такъ думалъ, пока со мной не случилось одно, по истинѣ, особенно съ точки зрѣнія ученыхъ, вполнѣ невѣроятное происшествіе.

Подыскивая по словарямъ Старчевскаго разъясненія названій селеній Петербургскаго края съ его окрестностями, я неожиданно встрѣтилъ значительное число словъ, объясняющихъ многія названія этого края,—кто бы могъ думать!—въ словарѣ *тунгузскомъ*, народа нынѣ извѣстнаго только въ Азіи и считающагося роднымъ братомъ Маньчжурамъ. Притомъ объясненія оказались весьма простыми, безъ всякаго «скаканія по корнямъ и суфиксамъ», въ которомъ не безъ основанія обвиняютъ нѣкоторыхъ представителей сравнительной филологіи.

Вотъ примѣры:

1) *Усть-Мга*, селеніе на р. Мгѣ (лѣвый притокъ верховьевъ р. Невы); *Амга*, по тун узски — *ротъ*, *губа*, (устье). Отъ устья получило свое названіе селеніе, а отъ селенія и самая рѣка.

2) *Мач-езеро* (Списокъ нас. м. Олонецкой губ. № 2897); *амач*, по тунгузски, — *озеро*.

3) *Вѣнки*, д. Петерб. у. (№ 363); *Эвенки*, по тунгузски—*Тунгузъ*, *тунгузская*.

4) *Оникино*, д. 1500 г. (Писцов. кн. Вотьской пятины, ч. I, стр. 11, 13). *Онигы*, по тунгузски—*песокъ*.

5) *Охта*, нынѣ пригородъ Петербурга. *Оокто*, по тунгузски—*носъ*; рѣчка Охта, впадая въ Неву, дѣйствительно образуетъ носъ, или мысъ, на которомъ стояла нѣкогда шведская крѣпостца Ньюэнсканцъ, или Нишанцъ. Охотское море (иначе называемое Тунгузское) омываетъ западную сторону *полуострова* Камчатки (тоже мыса по отношенію къ материку). Кромѣ того названіе Охта по спискамъ населенныхъ мѣстъ встрѣчается въ нѣсколькихъ другихъ губерніяхъ, допуская провѣрку.

6) *Иматра*, водопадъ въ Финляндіи; *эмандра*, *иманда*, по тунгузски — *снѣгъ*, *снѣжный*. Есть и озеро *Имандра*—въ Лапоніи, къ югу отъ г. Колы. *Лапонія* (Laponua) слово венгерское, означающее: *низменность*, *равнина*.

7) *Можам*, сел. Псковской губ. (Сп. н. м. № 12,155). *Можа*, по тунгузски — *лѣсъ*; *И*, по самоѣдски, коряцки и камчатско-тагильски, значитъ — *вода*.

8) *Мулино*, д. 1495 г. (Деревской II, стр. 888). *Муулин*, по ламутски (тунгузско-низменное, или охотское нарѣчіе.) = *берегъ*.

9) *Мун-сала*, кирхшпиль въ Финляндіи; *Мун-озеро*, 1583 г. Обон. пятины (Неволинъ, 161). *Мун*, по тунгузски — вода; *sala*, по фински — островъ. Такъ какъ слова большею частью наростаютъ съ конца, то *Мун-сала* указываетъ, что тунгузы были здѣсь раньше Финновъ, или въ окрестностяхъ можетъ быть и одновременно, но Фины заняли именно этотъ островъ послѣ Тунгузовъ [1]).

10) *Мук-озерскій* погостъ, сел. Олонецкой губ. (Сп. нас. м. № 112). *Муһ*, по тунгузски (другого нарѣчія) тоже — *вода*.

11) *Мукотино*, д. 1495 г. (Дерев. пятины, ч. II, стр. 729). *Мукото*, по тунгузски — *задній*.

12) *Ногуево*, д. 1495 г. (Д. I, 663). *Ногу*, по тунгузски = *передній, передняя*.

13) *Королева*, д. 1495 г. (Д. II, 204, 885). *Гороло* по тунгузски = *дальній, отдаленный*.

14) *Тухово*, д. Ямбургскаго у. (Сп. нас. м. № 4,929). *Туго*, по тунгузски — *зима, зимняя*.

15) *Тухтово*, д. Гдовскаго у. (№ 887). *Тугда*, по тунгузски = *высоко, высокая*.

16) *Мурола*, *Муурола*, *Муролка*, селенія и рѣчька въ Финляндіи. *Муроли*, по тунгузски значитъ — *круглая*, извивающаяся, закругляющаяся; но вѣроятнѣе, что рѣчька получила названіе отъ круглой деревни.

17) *Дыбунъ*, д. СПБ. у. (№ 432, 433). *Дыбани*, по южно-тунгузски — *русская*.

18) *Емчела*, д. Олонецкой губ. (Сп. н. м. № 3,066). *Эмча*, по тунгузски: *пришедшій, пришлый; ла* — финнская приставка.

19) *Мочалы*, дер. Псковской губ. (Сп. н. м. № 3,011). *Мачала*, по тунгузски — *корова, коровій* (загонъ?).

20) *Токи*, д. 1495 г. (Д. I, 225). *Токи*, по тунгузски: *олень, оленій, оленье* (пастбище или тоже загонъ?).

21) *Тагуя*, д. 1500 г. (В. II. 260). *Тагу*, по тунгузски — *галка, галчья*; *я*, по вогульски, какъ и по самоѣдско-кушвински — *рѣчька*.

22) *Тафина*, д. 1500 г. (В. II, 206). *Тавин*, по тунгузски — *кузнецъ*.

и т. далѣе, сколько угодно.

Іорнандъ (IV в.) въ числѣ скифскихъ народовъ жившихъ по сю сторону Азовскаго моря, т. е. въ Европейской Россіи и покоренныхъ Гуннами (въ IV в.) называетъ, вслѣдъ за *Итимарами* (*мара*, по черемисски и по мордовски — человѣкъ, люди), — *Тунгасовъ*. Многіе мусульманскіе писатели называютъ народъ *Тагазгазъ* который Френъ считалъ Тунгузами; окончаніе *газ* объясняется изъ остяцко-самоѣдскаго *гассе* — человѣкъ; но вѣроятнѣе, что это одно изъ видоизмѣненій уже разсмотрѣннаго нами *каза*.

---

1) Собственно — Фины въ Петербургскомъ краѣ поселены вообще позднѣе; раньше ихъ здѣсь были Эсты, въ языкѣ которыхъ, какъ и въ географическихъ именахъ Петербургскаго края, объясняемыхъ изъ финскихъ языковъ, преобладаетъ *d*, тогда, какъ Финны большею частью замѣняютъ его *t*. Кромѣ того нѣкоторыя имена географическія, какъ напр. Ильмень озеро, не объясняясь изъ финскаго языка, объясняются очень просто изъ эстонскаго: *ilmane*, по эстонски — огромный, преогромный (громадный).

Тунгузскія орды неоднократно вмѣшивались во внутреннюю жизнь Китая, и когда самому дѣятельному и воинственному народу тунгузской группы, Маньчжурамъ, въ 1644 г. удалось завоевать это царство, много Маньчжуровъ переселилось тогда въ Китай, но вскорѣ незамѣтно изчезло въ громадномъ населеніи имперіи. Это подобно исчезновенію Варяговъ.

XIV.

Маньчжуры въ Петербургскомъ краѣ.

Далеко не исчерпавъ тунгузскихъ словариковъ Старчевскаго, я, за неимѣніемъ подробныхъ тунгузскихъ словарей, обратился къ родному брату тунгузскаго, маньчжурскому языку, — взявъ маньчжурско-русскій словарь профессора И. Захарова, гдѣ слова переданы какъ по маньчжурски, такъ и въ траскрипціи, (которой я въ точности и придерживался).

Съ помощью этого словаря мнѣ объяснилась *масса* географическихъ именъ въ нашихъ краяхъ.

Замѣчу, что я сравнивалъ только слова, какъ я называю, *географономическія*, т. е. топографическія и тѣ изъ прилагательныхъ, которыя приложимы къ существительнымъ топографическимъ. Въ объясненія, основанныя на искусственныхъ словахъ, я давно уже не вѣрю. Изъ продолжительныхъ и усердныхъ, быть можетъ и не безплодныхъ (если удается ихъ издать) изысканій о происхожденіи названій географическихъ въ раіонѣ Петербургскаго края съ его окрестностями, упоминаемыхъ въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XV и XVI в. и въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ», я убѣдился, что географическія имена, особенно древнія, весьма не замысловаты, происходя преимущественно отъ названій урочищъ и другихъ топографическихъ словъ; замысловатыя, не топографическія, обыкновенно въ результатѣ оказываются видоизмѣненіемъ топографическихъ, непонятыхъ изъ чужого языка и передѣланныхъ по созвучію въ слова заимствующаго языка, имѣющія на немъ какой либо, иной разъ очень причудливый, смыслъ. Замысловатыхъ или натянутыхъ объясненій мнѣ не надо: матеріалъ и такъ огроменъ, а нашъ богатый языкъ сохранилъ его прекрасно.

И, посмотрите, какія простыя получаются у меня объясненія:

1) Всѣмъ петербуржцамъ извѣстно селеніе *Токсово*, лежащее отъ Петербурга въ верстахъ 40, за Парголовымъ; отбросьте конечное *во* (очевидно русскую приставку), и получается слово *токсо*, означающее по маньчжурски: селеніе, село, деревня; того-же корня, очевидно, и названія: *Матокса*, *Валтокса*, *Валотакса* (отъ *вала*, по маньчжурски=низъ) и т. п. очень старинныя, встрѣчающіяся въ писцовой книгѣ Вотьской пятины 1500 г. (В. П, 456 и др.).

2) *Вись-еки*, рѣчка С.-Петерб. уѣзда. (Спис. нас. м. № 653—655). *Фис экэ*, по маньчжурски—*рукавъ рѣки*.

3) *Ванхала*, селеніе въ Финляндіи. *Фанкала*, по маньчжурски — *долина*, *низменность*, *низкое мѣсто*.

4) *Вайко*, сел. въ Финляндіи. *Вайку*, по манчьжурски—*кривой*, *изогнутый* (вѣроятно ручей, отъ котораго селеніе получило названіе).

5) *Вияла*, дер. Вотьской пятины по писцовой книгѣ 1500 г. (ч. III, стр. 124). *Фія*, по маньчжурски—береза (одно изъ названій этого дерева). Какъ были священные дубы, такъ были и завѣтныя или всѣмъ изъ мѣстныхъ жителей извѣстныя березы, липы и другія деревья. (*Ла*—обычная финская приставка въ концѣ многихъ селеній для означенія *географичности* слова).

6) *Воронье* сельцо и озеро 1500 г. (В. II, 437, 448, 453); нынѣ сельцо *Вороново* (Сп. н. м. № 4640) и къ югу отъ него озеро *Круглое*, въ верховьяхъ рѣчьки Назьи, Шлиссельбургскаго уѣзда (по 3-хъ верстной картѣ). *Форонь*, по маньчжурски: заводь воды, закругленіе, заворотъ, поворотъ. Кстати замѣчу, что рр. Донъ и Воронежъ, близъ сліянія которыхъ стоитъ городъ Воронежъ, сливаются не подъ острымъ угломъ, а образуютъ какъ бы закругленный мысъ, такъ что слѣдуя по сухому пути придется дѣйствительно сдѣлать *поворотъ*, а вода сливающихся рѣкъ дѣйствительно образуетъ полукругъ или закругленіе. (Отъ *форонь* и русское *воронка*).

7) *Атаки*, д. Псковскаго уѣзда (Спис. нас. м. № 28). *Адаки*, по маньчжурски—сосѣдній, смѣжный, ближній, пограничный.

8) *Вешень*, д. Гдовскаго уѣзда (№ 1196). *Вэшэнь*, по манчьжурски: западня на разныхъ звѣрей. Западни у инородцевъ и нынѣ ставятся на опредѣленныхъ, всѣмъ мѣстнымъ жителямъ извѣстныхъ мѣстахъ, преимущественно, гдѣ звѣрю необходимо пройти къ водопою, и такимъ образомъ постепенно названіе «западня» превращается въ названіе урочища.

9) *Васихина гора*, д. 1498 г. (Шелонской пятины стр. 73). *Васихунь*, по маньчжурски — отлогость (скатъ, покатость, склонъ горы).

10) *Харинъское*, озеро Деревской пятины 1495 г. (ч. II, 240). *Харинь*, по маньчжурски—мелководный (по Старчевскому).

11) *Арбоина*, д. 1500 г. (кн. Вотьской пятины I, 868,874). Арбунь-и-ба, по-маньчжурски: мѣсто соединенія двухъ дорогъ; деревня,—нынѣ Арбонье (Спис. нас. мѣстъ СПВ. губ. № 3,636)—и нынѣ находится при соединеніи двухъ трактовъ.

12) *Вѣенка*, уроч. 1500 г. (В. I, 350); *фэйнгэ*, по маньчжурски — старое, прежнее (жилище?).

13) *Водоги*, д. 1495 г. (Д II, 500). *Фодохо*, по маньчжурски — *ива*, *тальникъ*.

14) *Ундо-озеро*, 1583 г. Обон. пятины «въ Рождественскомъ погостѣ на (урочищѣ) Мегрѣ». (Неволинъ, стр. 177). *Уньду*, по маньчжурски = *продольный*; нынѣ озеро, лежащее близъ Мегр-озера, называется *Долгое* (см. карту при спискѣ насел. мѣстъ Олонецкой губ.).

15) *Чигина гора*, д. 1495 г. (Д. II, 581). *Чикинь*, по маньчжурски — *обрывъ*; гора вѣроятно получила названіе отъ характеризовавшаго ея обрыва, а отъ горы — и деревня.

16) *Дубенка*, дер. 1495 г. (Д. II, 638) и рѣчка Гдовскаго у. (Сп., н. м. №№ 1488—1501); *дубэнь*, по маньчжурски — *конецъ*. *Дубэйнгэ*, — *конечный*, *крайній*; въ старину деревни состояли изъ разбросанныхъ домовъ, которые впослѣдствіи служили центромъ образованія самостоятельныхъ деревень.

17) *Тучино*, д. 1495 г. (Д. I, 864). *Тучинь*, по маньчжурски — начало, исходъ, выходъ (верховье рѣки?).

18) *Ветши*, д. и уроч. 1495 г. (Д. 174,664,762. *Вечжи* по маньчжурски—*лѣсъ*, *роща*, *чаща*.

19) *Майкино*, сел. Псковской губ. (№№ 3,039—40). *Майканъ*, маньчжурски — круглый шатеръ на столбахъ, палатка.

20) *Мачехино*, д. 1500 г. (В. I, 16). *Мачихи*, по маньчжурски — *богослуженіе* (мѣсто богослуженій?).

21) *Убуево*, д. 1500 г. (В. III, 65). *Убу* по маньчжурски: *часть*, *доля*, *участокъ*.

22) *Обой*, д. Новоладожск. у. (Сп. н. м. № 3182). *Обо*, по маньчжурски: *межевой знакъ*, *сопка*, *холмъ на верьху горы*.

23) *Лососинная*, рѣчька 1500 г. (В. III, 65). *Лосо-усинь*, по маньчжурски, — «сырая, мокрая почва, негодная для вспашки». Названія многихъ рѣкъ и озеръ произошли отъ урочищъ, близь нихъ находящихся; производить-же названіе это отъ *лососины* невѣрно потому, что рѣчька эта была маленькая (на ней названо лишь одно селеніе) и слѣдовательно лососи въ ней водиться не могли, а тѣмъ болѣе *лосо*сина.

24) *Бабій-гонъ*, урочище близь Петергофа; *бообайгонь*, по маньчжурски — родовое имѣніе; мѣстность эта и нынѣ находится въ удѣльномъ вѣдомствѣ; случайность ли это или одно изъ проявленій дѣйствительно маньчжурской неподвижности нашихъ основъ?

25) «*Ѳоминъ* островъ на *устьѣ* р. Невы»; такъ въ Писцовой книгѣ Вотьской пятины 1500 г. названъ нынѣшній Петербургскій островъ. Изъ обыскной книги Спасскаго погоста 1573 г. (изданной Бутковымъ въ Ж. М. В. Д.) видно, что Фамѣнь называлось *все* невское *устье*, со включеніемъ нынѣшнихъ острововъ: Петербургскаго (Фомина), Елагина (Мишина) и даже урочищъ *Лахта* и *Конда* (нынѣ Старая, или Конная Лахта). У Финновъ и Шведовъ, какъ извѣстно и до меня, нынѣшній Петербургскій островъ носилъ названіе *Березоваго*. По маньчжурски устье (губы)—*фэмэнъ*, а береза, кромѣ вышеприведеннаго ея названія, также *фямоо*. Отсюда видно, что Петербургскій островъ, сперва пустынный, обозначался, въ числѣ прочихъ, просто устьемъ (Фэмэнь), а когда болѣе выдѣлился, вѣроятно вслѣдствіе заселенія, и названіе *устье* оказалось неподходящимъ для острова, названіе *фэмень* превратилось по созвучію, въ *фямоо*, и переведено Финами, а за ними Шведами, *березовый*.

Подобнымъ же образомъ названіе нашего Васильевскаго острова, который по Писцовой книгѣ 1500 г. названъ *Василевъ*, объясняется изъ нѣкоего языка, который пока не назову (что бы не отвлекаться интересными объясненіями), но на которомъ *васи* значитъ: большой, обширный, а *лев* значитъ: губа, устье; Васильевскій островъ дѣйствительно прилегаетъ къ самому большому изъ устьевъ Невы.

Итакъ, Маньчжуры и Тунгусы, эти нынѣ исключительно азіатскіе народы, жили нѣкогда въ нашемъ краѣ, даже въ самомъ Петербургѣ.

И, вѣроятно, они жили здѣсь долго, такъ какъ, повторяю, названій селеній объясняемыхъ изъ ихъ языка, очень и очень много; при томъ, вѣрность многихъ, какъ мы видѣли, можетъ быть доказана топографически, такъ сказать, въ натурѣ. Если названіе селенія означаетъ «устье», и оно дѣйствительно стоитъ при устьѣ, или «верховье», и оно дѣйствительно расположено у истока рѣки; если назаніе озера означаетъ «круглое» или «длинное», и озеро дѣйствительно имѣетъ такую форму; если названіе селенія значитъ «островъ», и оно находится дѣйствительно на островѣ, и т. под. — то какихъ-же еще надо доказательствъ!

Но Маньчжуры оставили намъ въ наслѣдство не только географическія названія. Много русскихъ словъ, неимѣющихъ корней ни въ русскомъ, ни въ славянскомъ,

объясняются словами маньчжурскими (напр. *бояре* отъ маньчжурскаго *баяра* — гвардія, тѣлохранители). А кто дастъ себѣ трудъ просмотрѣть посвященную Маньчжурамъ и Тунгусамъ вторую часть изданныхъ о. Іакинѳомъ свѣдѣній китайскихъ лѣтописцевъ, тотъ найдетъ тамъ много сходнаго и съ обычаями нашими. Да, впрочемъ, и такъ развѣ мало ихъ можно замѣтить въ нашемъ быту и общественномъ строѣ? Всмотритесь въ окружающее; многое приписывается Татарамъ, но въ дѣйствительности имѣетъ корни болѣе старые.

Арабскій географъ аль-Якуби въ сочиненіи, написанномъ 891—892 г., сообщая о разграбленіи въ 844 г. Севильи (Ишбилія), приписываемомъ историками Норманамъ, говоритъ: «въ этотъ городъ вошли *Маджусъ*» (Гаркави, стр. 63). Слово *Маджусъ* европейскіе ученые переводятъ словомъ язычникъ (иновѣрецъ); но и названіе *Маньчжуры* означаетъ, какъ мы видѣли, почти то-же (инородецъ). «О народѣ изъ *Маджусъ*», жившемъ среди Славянъ, упоминаетъ также Масуди (920—950 г.), который сообщаетъ, что въ 912—913 г., «въ Андалусъ (Испанія) пришли моремъ корабли, на которыхъ были тысячи людей, и напали на прибрежныя страны; жители Андалуса думали, что это *народъ изъ Маджусъ*, который показывался имъ на этомъ морѣ каждые 200 лѣтъ». Масуди же высказываетъ въ видѣ догадки, что этотъ народъ—*Русы*. (Гаркави, стр. 129).

Кромѣ того, какъ Масуди, такъ и многіе другіе арабскіе ученые, называютъ еще народъ *Маджуджъ*, большею частію называя рядомъ съ нимъ народъ и страну *Яджуджъ*. *Маджус* по арабско-египетскому произношенію читается *Магус*, почему европейскіе ученые отождествляютъ этотъ народъ съ библейскими Гогъ и Магогъ. По книгѣ пророка Іезекіиля, (гл. 38 и 39) «Гогъ въ землѣ Магогъ, князь Роша, Мешеха и Ѳувала, отъ предѣловъ сѣвера» долженствуетъ съ полчищемъ своимъ придти въ землю Израеля и погибнуть отъ огня, который будетъ посланъ «на землю Магомъ и на жителей острововъ, живущихъ безпечно». Табари (писавшій около 915 г.) сообщаетъ, что народы Яджуджъ и Маджуджъ были окружены стѣною, которую соорудилъ Александръ Македонскій (Гаркави, стр. 25, 74 и 75). На Каталонской картѣ Восточной Азіи 1375 г. стѣна эта изображена рядомъ съ землею Тунгузовъ, къ сѣверу отъ Китая, въ Маньчжуріи. На картѣ Эдриси 1160 г. *Madjoudy* показаны въ Россіи, къ сѣверу отъ *Bulgar*, а восточнѣе, по сѣверу Сибири, показаны *Yadjoudy*, что довольно точно соотвѣтствуетъ Тунгусамъ и Якутамъ. На Англо-сакской ландкартѣ X вѣка *Gog* и *Magog* помѣщены на сѣверѣ Европейской Россіи. (Не указаніе-ли это на страну, гдѣ Англо-саксы X в. помѣщали Норманновъ?), а къ западу отъ нихъ показаны *Turchi* (см. Атласъ Vivien de Saint-Martin). По поводу *Turchi* можно замѣтить, что нѣкоторые мусульманскіе писатели отождествляютъ Русскихъ съ Турками («Каспій», стр. 516 и др.), но авторитетный А. А. Куникъ (въ «Аль-Бекри», стр. 109) по поводу подобнаго отождествленія положительно говоритъ, что здѣсь подъ «Турками могутъ разумѣться только Мадьяры, которыхъ и Византійцы X столѣтія называли *Turci* (Τοῦρκοι)». («Аль-Бекри» стр. 109). Арабскій астрономъ Аль-Фазари (пис. 772—773 г.), называетъ «владѣніе Тагазгаз въ Туркѣ» и при томъ особо отъ «владѣнія Хакана Турковъ» (Гаркави, стр. 9).

«Норманъ», въ настоящее время собственное названіе Норвежцевъ (а не Шведовъ). Кто были древніе Нордмане, т. е. сѣверные люди, положительно еще неизвѣстно. Если подъ ними разумѣть даже преимущественно Готовъ, то всетаки придется допу-

стить въ Готахъ большую примѣсь Остяковъ и др. угорскихъ народовъ; это доказываетъ значительное количество угро-финскихъ словъ въ языкахъ народовъ, считающихся готскими.

XV.

Объясненіе скандинавскаго *Väringi* изъ маньчжурскаго языка.

Слово Варягъ имѣетъ много варіантовъ какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ источникахъ. Большинство этихъ варіантовъ сгруппировано А. А. Куникомъ въ извѣстномъ «Каспіи» (стр. 414). Оставляя то, что почтенный академикъ внесъ лишь «предположительно», выбираю изъ остальнаго тѣ формы (имѣющія даты), гдѣ корню Вар, соотвѣтствуютъ: *Вэр* (Ver) и *Вäр* (Væг);

1) *Вæринги* (Væringi) по древне-норвежскимъ и исландскимъ источникамъ ок. 975 г.

2) *Вер*инге (Veringae) датско-латинская форма ок. 1195 г.

3) Ваерингій*ар* (Væringj*ar*) въ одной норвежской сагѣ XIII в.

Въ послѣдней формѣ окончаніе *ар* (окончаніе именит. подежа множеств. числа именъ сущ. муж. рода въ старо-сѣверн. яз.) можетъ быть разсматриваемо какъ скандинавскій аффиксъ, выражающій этнографичность слова, т. е. соотвѣтствующій слову «народъ», какъ напримѣръ и въ словахъ Гут-*ар* (Gutar)=Готландцы или Гаут*ар* (Gautar) = жители вост. и зап. Götalanda («Каспій», стр. 421), подобно тому, какъ окончаніе *цы* или просто *ы* въ языкѣ русскомъ, когда примѣняется къ именамъ достовѣрно этнографическимъ, получаетъ значеніе этнографическаго аффикса, свидѣтельствуя при заимствованіи въ другой языкъ о языкѣ его приставившемъ.

Для объясненія же основной части приведенныхъ словъ, въ маньчжурскомъ языкѣ есть весьма подходящія слова: *вэри*, *вэрингэ* и старинное *верійнгэ*.

Эти маньчжурскія слова по словарю профессора Захарова означаютъ: *вэри* — чужой, другой, иной, посторонній; *вэрингэ* и *вэрійгэ* — чужой, посторонній.

Почти то-же выражало еще недавно русское слово «нѣмецъ», которымъ назывались всѣ чужеземцы, неумѣвшіе говорить по русски.

Въ нашей лѣтописи, по болѣе новымъ спискамъ, во многихъ мѣстахъ слово Варягъ замѣнено именно словомъ «нѣмецъ».

Нельзя также не вспомнить, что первое названіе Россіи у классическихъ писателей было Великая Скиѳія, перешедшее въ нашихъ лѣтописяхъ въ «Великая *Скуѳь*», а это названіе еще Ломоносовымъ объяснено какъ видоизмѣненіе словъ «Великая *Чудь*», (отъ той же основы *чужой*).

Выраженіе Лѣтописи «Варяги *изъ за моря*» тоже показываетъ, что подъ именемъ Варяговъ разумѣлись разные народы (но только чужіе), и напримѣръ, тѣ Варяги, которыхъ изгнали, вѣроятно были вовсе не тѣ, которыхъ потомъ призвали.

Однако же названіе (я говорю лишь о происхожденіи *названій*) дано, конечно, вторымъ по первымъ, а не наоборотъ.

Нелишне отмѣтить, что то-же маньчжурское слово сопоставляется со словами,

имѣющими то-же значеніе въ языкахъ финскихъ: *віерас* (wieras), по фински = иностранецъ, язычникъ; *віераш*, *віерага*, по корельски = чужой; отъ той-же основы *чужой* происходитъ и слово *ворг*: по фински и эстонски *Варас* (Waras), по чухонски (вотьски) *Варгасъ*. Какъ объяснить эту очевидную связь финскихъ языковъ съ маньчжурскимъ?

XVI.

Еще два интересныхъ маньчжурскихъ слова.

Высокоуважаемый А. А. Куникъ, въ своей родословной таблицѣ слова «Русь» («Каспій», стр. 673), тотчасъ послѣ «протосвѣйской» формы *Hrôðs*, стоящей во главѣ родословной, ставитъ, параллельно съ предполагаемымъ *Rôs*, *мадьярское* названіе Руси *Orosz* (по нынѣшнему венгерскому произношенію читается *Орос*), поясняя въ текстѣ (стр. 53), что эта мадьярская форма столь-же древняя, какъ и византійская Ῥῶς (9 столѣтія).

Меня заинтересовало то, что эта *древняя мадьярская* форма сохранилась до сего времени въ языкѣ именно *Маньчжуровъ*; по маньчжурски *Орос* и нынѣ значитъ «Россія» и «русскій». Но *о* есть префиксъ, объясняемый тѣмъ, что въ маньчжурскомъ языкѣ, кромѣ немногихъ словъ иностранныхъ, нѣтъ буквы *р* въ началѣ словъ, какъ вѣроятно не было ея и въ древне-мадьярскомъ. А въ такомъ случаѣ древне-мадьярское *Orosz* доказываетъ какъ разъ противное тому, что желалъ доказать имъ А. А. Куникъ; оно показываетъ, что *Рос* не могло произойти отъ Hrôðs, а скорѣе обратно; а такъ, какъ *Orosz* относится къ IX в., и не могло-же возникнуть вдругъ, то, слѣдовательно, *Рос* т. е. Русь, существовало уже раньше.

Подобныя приставки къ словамъ «Россія» и «русскій» существуютъ и въ другихъ языкахъ, напримѣръ: по курдски *урус* — Россія, русскій; по аварски *урус* — русскій; по хивински *эрус* — русскій; по бретонски (въ которомъ не мало словъ финско-угорскихъ) *Ар-Рюси* — Россія; по киргизски «Русскій» — *Урус* и *Орус*, по кашгарски, русскій — *Курушу*, (латышское *Крьвс*), по тунгузски русскій — *Урячин* (и Дыбаин). Тунгузское *Урячин* очевидно находится въ связи съ пермяцкимъ *Рочь*, а это съ черемисскимъ *Руш*, а это съ эрзянскимъ *Руз* (русская = *рузава*) и зырянскимъ *Родж*. (означающими Русскій), а зырянское *родж* — съ арабскимъ *раджэль* = человѣкъ, а это съ индостанскимъ *риджал* = люди, а это съ малабарскимъ *предже* = народъ и съ таджикскимъ *райэт*, (*рагет*) = народъ; а это съ финскимъ *раhвас* = люди, народъ, а это съ венгерскимъ *ракаш* (rakas) = куча, гурьба, а это съ тунгузскимъ *эрак* = люди, а все это вообще съ Арусія, или Русія, т. е. аль-джаммъ, Масуди.

Кромѣ того древнее мадьярское, нынѣ маньчжурское имя Руси, — *Орос* можетъ быть сопоставлено съ монгольскимъ словомъ *олос*, такъ какъ взаимный переходъ звуковъ *л* и *р* не рѣдкость.

Монгольское *олос* значитъ *люди*; а *улус*, по монгольски, какъ и по калмыцки, значитъ *народъ*.

Но и независимо отъ монгольскаго, въ самомъ маньчжурскомъ языкѣ, есть слово, дающее подобное же объясненіе слову *Orosz*.

Слово это *урсэ*. При перестановкѣ буквъ оно очень легко образуетъ звукосочетаніе *русэ*.

Слово *урсэ* по словарю профессора Захарова, значитъ: люди, людъ, народъ, множество людей, общество, толпа.

XVII.

Варяги, какъ защитники.

Нѣкоторые изъ норманистовъ объясняли, что скандинавское *Веринги* (Väringi) значитъ *защитникъ*, но не могли доказать логическаго пути перехода имени нарицательнаго *защитникъ* въ имя этнографическое.

Немощность эта у нихъ происходитъ изъ предположенія, что значеніе слова, при переходѣ въ другой языкъ, должно непремѣнно сохранять свой смыслъ, хотя приблизительно. Но мнѣ хорошо извѣстно, что при образованіи именъ географическихъ большую роль играетъ простое созвучіе. Точно то-же должно имѣть мѣсто и въ отношеніи къ именамъ этнографическимъ. Сообразно этому выставленное мною маньчжурское слово *веринэ*, значущее: *чужой*, *другой*, *иной*, *посторонній*, при усвоеніи его Скандинавами, совпадая съ созвучнымъ словомъ ихъ языка, могло быть понято ими въ значеніи своего слова, т. е. въ смыслѣ *защитникъ*. Такое пониманіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что этотъ *чужой* народъ, эти Угры, во главѣ съ Маньчжурами, — будучи грозою для сосѣднихъ народовъ и самого Рима, вѣроятно, были для тѣхъ народовъ, на которыхъ «*сидѣли*», дѣйствительно защитниками. Русско-англосакское сказаніе о добровольномъ призваніи этихъ защитниковъ, въ основѣ своей согласно съ тогдашними отношеніями осѣдлыхъ народовъ къ безпрестанно находившимъ на нихъ разнымъ ордамъ племенъ бродячихъ, еще не пріобрѣтшихъ осѣдлости или ее случайно потерявшихъ. При невозможности противостоять, приходилось, выбирая изъ нѣсколькихъ золъ меньшее, отдавать себя подъ защиту сильнѣйшему. Подъ 884 г. въ лѣтописи сообщается, что «иде Олегъ на Сѣверянъ и на Козаръ, и побѣди Сѣверянъ и возложи на нихъ дань *легкую*, и не позволилъ онъ имъ дани платить Козарамъ, сказавъ: *я* имъ *противенъ* [1])» (т. е. *я* стою *противъ нихъ* за васъ). Здѣсь наглядно уясняются тогдашнія отношенія народовъ добровольно покорившихся къ ихъ защитникамъ.

Къ объясненію слова Варягъ словомъ защитникъ находятся основанія и въ языкахъ финскихъ: *вара* (Wara) по фински=запасъ, но также и *защитникъ;* варьо (Warjo)=тѣнь, сѣнь, покровъ, *защита*; по лопарски, то-же слово значитъ: оружіе, военныя силы, *щитъ*; *вардайча*, по корельски=сторожъ; *вартна*, по чухонски, сторожъ. Подобнымъ же образомъ и въ другихъ языкахъ слово *вар* могло измѣнять свое значеніе.

Да и сами Варяги, по мѣрѣ измѣненія ихъ политическаго положенія, вѣроятно, понимались въ разныхъ мѣстахъ различно, и очень возможно, что будучи сначала «находниками» всего сѣвера Европы отъ Урала до Англіи и Нормандіи, со включеніемъ конечно Финляндіи, Швеціи и Норвегіи,—впослѣдствіи, при изгнаніи Маньчжуровъ за море (т. е. за Сине-море, куда-то далеко, вѣроятно въ Венгрію, а можетъ быть и за Желѣзныя ворота, чрезъ Карское море въ Азію) оставшіеся снизошли между прочимъ и до мелочныхъ торговцевъ по деревнямъ (офеней). Общій сводъ значенія

1) Въ оригиналѣ лѣтописи не стоитъ-ли вмѣсто *противенъ*, существительное *про́тивень* въ смыслѣ *противникъ*.

слова варягъ у насъ въ разныхъ мѣстахъ можетъ представить какъ-бы исторію положенія Варяговъ въ Россіи.

XVIII.

Значеніе слова „Угры".

Откуда произошло названіе Угровъ?

Нашъ лѣтописецъ въ первоначальномъ своемъ перечисленіи многихъ народовъ, не называя вовсе Венгровъ, приводитъ названіе: *Угра* и (только далѣе подъ 1034 г.) *Югра*.

Въ иностранныхъ источникахъ, по свѣдѣніямъ сгруппированнымъ у Карамзина (I, 41), первое извѣстіе объ Уграхъ находится у Приска (греч. истор. V в.), который называетъ ихъ: *Гуногурами* (Гун-огур), *Урогами*, *Сарагурами;* затѣмъ Агаѳій (VI в.) называетъ ихъ: *Унугурами* (Ун-угор.); Ѳеофилактъ (XI в.)—*Гунугурами* (Гун-угур.) и *Огорами;* Менандеръ—*Унигурами* и *Унгурами* (Унг-ур.); Іорнандъ (VI в.). — *Гунугарами* (Гун-угар); Прокопій — *Утигурами* и *Кутригурами*.

По объясненію Д. П. Европеуса, изъ языковъ венгерскаго, вогульскаго и остяцкаго, названія: Ун-угуръ означаетъ—Великая Угра, Ути-угуръ, (отъ Уть-угур)—Малая Угра; Саругуръ, (отъ Сара-угуръ)—Бѣлая угра; Кутри-угуръ, на древне-нѣмецкомъ языкѣ (отъ Куція-гуръ или Куцья-угуръ)—Собачья угра [1]). Кромѣ того Д. П. Европеусъ приводитъ еще названія: Битто-гуръ, (отъ Бит-угуръ),=Черная Угра, и Сабан-угуръ = Шубная угра [2]).

Окончаніе общей приставки этихъ этнографическихъ именъ, т. е. слова «уг-ур», именно *ур*, объясняется какъ флексія, произшедшая отъ (сокращенія) вышеобъясненнаго уже маньчжурскаго слова *урсэ* (народъ), впослѣдствіи, въ нашей формѣ (Угры) замѣнившаяся финскимъ *ра* (отъ *rahwas*.)

Но что можетъ означать первая его часть, слогъ *уг*?

Объясненіе я нахожу въ слѣдующихъ словахъ того-же, маньчжурскаго языка;

1) Ух-а,=единство, совокупность, соединеніе въ одно, согласіе.

2) Ухэй,=вмѣстѣ, заодно, согласно, взаимно.

3) Ухэйнге=общій, совокупный.

О томъ, что Угры были народъ соединенный изъ нѣсколькихъ, (съ Маньчжурами во главѣ) можно заключить уже изъ вышеприведеннаго перечисленія ихъ отдѣльныхъ ордъ. Кромѣ того Левъ Византійскій положительно утверждаетъ, что Угры, по нынѣшнему Венгры, были «сбродомъ разныхъ народовъ» (colluvies gentium). Да и въ венгерскихъ хроникахъ разсказывается, какъ послѣ ухода Угровъ отъ Кіева въ 898 г.

---

1) Собака и по болгарски *куче*; но не вѣрнѣе-ли происхожденіе отъ остяцкаго *кучо*=пестрый, пѣгій (*Pega-orda* въ атласѣ 1643 г.) или отъ остяцко-котскаго *hучээ*=лошадь, т. е. Конная Угра. *Кутра* по чувашски = кудрявый, косматый, откуда зырянское названіе Вогуловъ (Вогыл), дѣйствительно, по свидѣтельству г. Носилова, *кудрявыхъ отъ природы*, хотя носящихъ косы, (подобно маньчжурамъ).

2) *Сабан* по тюркски и чувашски=плугъ, соха, такъ что *сабан-угуръ*,=*сошная*, земледѣльческая или *осѣдлая* угра. При разноплеменности Угровъ, нельзя объяснить всѣхъ названій ихъ ордъ лишь изъ одного языка.

къ нимъ присоединились семь Команскихъ князей и даже многіе изъ Кіевлянъ (Сенковскій. IX, стр. 185 и 190).

А если такъ, то названіе *уг-ур.*, отъ маньчжурскаго *ух-урсэ*, т. е. *соединенный народъ*, означаетъ то-же самое, что отъ другого корня, отъ финскаго *усеа-равас*, означаютъ наши традиціонныя слова *Всея Русь*.

XIX.

Видоизмѣненія слова „Угры“.

Однако-же, имѣя способность сохраняться традиціонно многіе вѣка, слово человѣческое, по мѣрѣ видоизмѣненія понятія, которое оно выражало первоначально, способно и само видоизмѣняться, и этимъ путемъ въ свою очередь давать основанія къ возникновенію новыхъ представленій.

Задатки подобныхъ видоизмѣненій первоначальнаго слова «угры» находились уже въ самой разноплеменности составлявшихъ эту орду, или араву, народовъ и въ разнообразіи ихъ языковъ.

Пока союзъ держался полностью, значеніе слова еще могло сохраняться для всѣхъ; даже съ подраздѣленіями аравы на отдѣльныя орды общее названіе еще удерживалось, лишь дополняясь префиксами, отличавшими одну орду отъ другой, (какъ мы это видѣли выше), въ родѣ: ун-угуръ, уть-угуръ, сара-угуръ, бит-угуръ и пр.; но кто изъ народовъ выходилъ изъ союза, начиная развиваться самостоятельно, для того названіе «угур» уже теряло прежній смыслъ. Переживя свой первоначальный смыслъ, а все таки держась по традиціи, оно требовало новаго объясненія, и по обыкновенію находило его въ словахъ созвучныхъ и въ оттѣнкахъ произношенія.

Вотъ нѣсколько словъ, созвучныхъ вышеприведеннымъ названіямъ Угровъ, но постепенно отклоняющагося значенія:

1) *Ухэри*, по маньчжурски, означаетъ: обще, вообще, вмѣстѣ, совокупно, общій, но также и «главный».

2) *Укури*, по тунгузски = холмъ, возвышеніе.

3) *Угорь*, по остяцко-югански = высокій; *угол* = голова (главный).

4) *Угили*, *Угиля*, *Угилин*, по тунгузски = высокій, *угило* = высота.

5) *Угели*, по бретонски = высоко; *гурэ*, по бретонски = поверхность.

6) *Угы*, по чапогирски (вѣтвь тунгузовъ), = высота; *угиль* = высоко.

7) *Юг*, по остяцко-лумпокольски, какъ и по остяцко-вассюгански = лѣсъ (отъ понятія *большой*).

8) *Югуванм*, по остяцко-вассюгански = холмъ, (возвышенность).

9) *Огор* (названіе Угровъ у Ѳеофилакта) по остяцко-сургутски означаетъ *высокій*.

10) *Ог*, по остяцко-нарымски = голова.

11) *Ох*, по вогульски = гора.

12) *Ойке*, по лопарски = голова.

13) *Дах*, по вогульски = гора.

14) *Дго*, по тунгузски = ширина.

15) *Эги*, горно-тунгузски = сила.

16) *Экэ, Як,* остяцко-обски = большой.
17) *Игеа,* баскски = холмъ.
18) *Яхи,* по маньчжурски = прибыль, нажива.
19) *Іохи,* по маньчжурски = полный, цѣльный.

XX.

„Уг“ и „Инг“.

Но особенно интересны видоизмѣненія, которыя должно было имѣть прилагательное въ названіи *Ун*-угуровъ, т. е. Великой Угры:

По остяцко-иртышски: великій, большой=уна, ѐне, унно; по вогульски «велико»=*инна*, чѣмъ указывается переходъ *у* въ *и*.

Затѣмъ во многихъ остяцкихъ нарѣчіяхъ *н*, какъ и *м*, имѣетъ сильно носовое произношеніе (Castren's Ienissei Ostjak. Sprachlehre, стр. 3), указывающее на звукъ *г*. Точно также и въ языкахъ маньчжурскомъ и тунгузскомъ.

Сопоставляя слова варьирующія понятія: великій, большой, получаемъ:

1) *Унга*, по маньчжурски=старшій въ родѣ, старшина, начальникъ.
2) *Унгӣ*, по маньчжурски=первый, передній, начальный, главный (см. выше *ухэри*).
3) *Унгіу*, по тунгузски (ламутски)=господинъ.
4) *Энги*, по тунгузски = сильный.
5) *Янъ*, по тунгузски какъ и по вогульски=гора.
6) *Ѣне*, по лопарски=велико. Іенья=большой.
7) *Икэнэ*, по маньчжурски=начальный, первый, главный, великій.

Эти примѣры показываютъ, что угорское *ун* свободно переходитъ какъ въ *унг*, такъ и въ *инг*. И дѣйствительно, на древнемъ глобусѣ Лаона Венгрія названа *Vingaria*; Французы ее называютъ *Hongrie*, Нѣмцы — *Ungarn*; во всѣхъ четырехъ названіяхъ слогъ *уг*, означавшій (въ словѣ *уг-ур*) *соединенный*, выпалъ, а слогъ *ур* замѣненъ флексіями, означающими географичность слова на языкахъ заимствовавшихъ. Но было ли здѣсь дѣйствительно выпаденіе слога *уг*? Не основательнѣе-ли заключить, что слова: Венгрія, Hongrie, Ungarn и Vingaria, хотя всѣ взяты съ остяцкаго названія, но изъ такой формѣ, гдѣ *уг* вовсе не было, а было лишь *унг* (Великій) и *ур* (народъ, рось) т. е. отъ формы *Унгур* (Великорось).

XXI.

Унгры, Ингры, Англяне и Готы.

Отъ вышеприведенныхъ примѣровъ перехода угорскаго *ун*, какъ въ *унг*, такъ и въ *инг*, не далеко до заключенія, что и нѣкоторыя другія этнографическія и даже происходящія отъ нихъ географическія слова съ подобными же звукосочетаніями, могутъ имѣть связь съ Уграми, напримѣръ: *Ингры*, *Ингерманландія*, *Ангер-*

манія [1]), *Англивары*, *Инг*-евоны [2]), *Анжеръ* и даже, слѣдуя Нестору, *Англяне*, т. е. Англо-Саксы.

Остановимся немного на Англо-саксахъ. По англійски *English*men (въ произношеніи *Инглишмэн*)=Англичане, а *ляне*, мы уже сопоставили съ финскимъ *läine* = арава, орда, такъ что Англяне Нестора=Великая орда; часть этого названія и до нынѣ сохранилась (переводно) въ названіи *Великобританіи*. А преданіе о призваніи Англо-Саксовъ Бриттами, записанное Видукиндомъ (ок. 973 г.), представляетъ лишь варіантъ нашего преданія о призваніи князей, свидѣтельствующій своимъ поразительнымъ сходствомъ объ общемъ источникѣ обоихъ сказаній, который могъ быть найденъ Видукиндомъ или самими Англо-Саксами въ преданіяхъ Ютовъ, народа общаго для Великобританіи съ Іотунгами по картѣ Д. И. Европеуса, и *Jotunheim'омъ* исландскихъ сагъ; а вѣроятно и съ нашими Вотяками и Вотью, также съ Будинами Геродота. Кстати замѣчу, что по лопарски *йот-ял*=другой.

Но *Jot*, какъ и *Bot*, вѣроятно одного происхожоенія и съ *Got* (Got), откуда образовалось и *Got-ar* или *Got-or*, т. е. Готскій народъ, Готы, которыхъ, кстати сказать, нынѣ отдѣляютъ отъ нѣмцевъ (Тевтоновъ) какъ по лингвистическимъ, такъ и по историческимъ причинамъ. («Каспій» стр. 443).

Форма Got*ar* представляетъ (скандинавское) множественное число отъ остяцкаго *het*, или *kêt*=человѣкъ. Этимъ остяцкимъ словомъ объясняются окончанія многихъ именъ этнографическихъ: Масса*геты*, Тиса*геты*, (Ѳисагеты), Тире*геты*, Мати*кеты*, просто *Геты* (или Даки); Де*гэт*,—остяцкое названіе Самоѣдовъ; Копа*скет*,—одно изъ собственныхъ названій Остяковъ. Массагетовъ Прокопій, въ «Исторіи войнъ Римлянъ съ Персами» (рус. перев. I, стр. 161) называетъ Гуннами, чѣмъ тоже подтверждается ихъ угорское происхожденіе; вѣроятно того-же корня и названіе Торготы (Торгоуты, *часть* калмыцкаго племени), а можетъ быть *названіе* и Визи*готовъ* и Остро*готовъ* (Западныхъ и Восточныхъ *людей*), откуда затѣмъ могло произойти названіе и просто Готовъ (какого бы сами они ни были *племени*), подобно тому какъ названіе Великоросъ могло образоваться раньше названія Русь и Россія. Ближайшее же составное слово, гдѣ *гота*=человѣкъ или люди, можно видѣть въ указанномъ А. А. Куникомъ древнемъ скандинавскомъ *Hrôdhgot*, которое А. А. Куникъ переводитъ: Славные Готы, («Каспій» стр. 441); но «Славные» названіе вычурное для имени этнографическаго,—не вѣрнѣе-ли перевести Большіе готы (по англійски *great*= большой, великій) т. е. Большіе люди, Большая арава и затѣмъ уже Великій народъ. Во всякомъ случаѣ, это переводъ остяцкаго названія, такъ какъ въ скандинавскихъ языкахъ слово *got* неимѣетъ смысла, и Скандинавы принимали его какъ имя этнографическое, добавивъ (въ видѣ расписки въ своемъ напоминаніи) къ остяцкому слову *het* или *kêt* то же значущее ar (Got-ar).

Сенъ-Мартенъ отожествляетъ Готовъ съ упоминаемымъ въ китайскихъ лѣтописяхъ народомъ *Да-юети*, который тѣснили *Хунны* при своемъ переселеніи на Западъ (Н. Веселовскій: «О происхожденіи Гунновъ»). *Да* по китайски = великій, большой, а *юети* и *Jot* весьма созвучно.

Не задаваясь провѣркой моей гипотезы на другихъ зап.-европ. этнографи-

1) Южная часть сѣверной половины западнаго берега Ботническаго залива на картѣ Андрея Бурейя 1606 г. въ Атласѣ Blaeu 1643 г.

2) *Евэнки*, по тунгузски, какъ мы видѣли, значитъ *Тунгузъ*.

ческихъ и географическихъ именахъ, я обратился къ тому, что подъ рукою, именно къ Инграмъ, иначе Ингрикотамъ, а, по русски, — къ Ижорѣ.

Въ результатѣ получилось новое интересное сопоставленіе:

XXII.

Ижора, Весь, Великоросы.

Названіе «Ижора» носятъ одновременно какъ народъ, или племя, такъ и рѣка (лѣвый притокъ р. Невы), а по лѣтописямъ «Ижора» употреблялась также какъ названіе области; кромѣ того названіе «Ижора» носятъ многія отдѣльныя селенія.

Названіе это обыкновенно считается происходящимъ отъ названій Ингры и Ингрія, или покрайнеймѣрѣ одного съ ними корня.

Татищевъ (I, 47 стр. 28), производилъ названіе Ингріи отъ Ингоря, или Игоря; въ Іоакимовой Лѣтописи сказано, что «имѣлъ Рюрикъ нѣсколько женъ, но больше всѣхъ любилъ Ефанду, дочь князя Урманскаго, и когда та родила сына Ингеря, далъ ей обѣщанный городъ «*съ Ижорою въ вено*», т. е. въ приданое. Татищевъ, отмѣчая это «вено за женъ», поясняетъ, что ту же землю Ярославъ I отдалъ потомъ въ вѣно же своей княгинѣ Ингегирдисѣ». Нѣкоторые полагаютъ, что страна получила названіе отъ Инггерды, дочери Ингвара, вышедшей замужъ за Стурлога, воспѣтаго въ сагахъ; другіе производятъ отъ шведскаго короля Ингвара, погибшаго въ здѣшней странѣ.

Шегренъ, наиболѣе изъ ученыхъ удѣлившій вниманія Ижорѣ, оставался (хотя писалъ уже въ XIX векѣ) при томъ же младеньческомъ взглядѣ на происхожденіе именъ географическихъ. Онъ не даетъ положительнаго объясненія происхожденію этого имени, сообщая лишь въ видѣ догадки, что оно, вѣроятно, происходитъ отъ собственнаго имени Ингеръ или Ингери, почему вся страна называется по шведски Ингерманландъ, т. е. земля Ингри, или Ингровъ.

Въ происхожденіе названій земель отъ какихъ бы то ни было королей, мнѣ уже давно не вѣрилось, по крайней мѣрѣ относительно древнѣйшей эпохи, когда, напротивъ, самые имена личныя имѣли въ своемъ основаніи простыя названія, т. е. имена существительныя нарицательныя; напр. имя легендарнаго силача Аники объясняется самоѣдскимъ словомъ *аника*=очень большой, великанъ.

Что же касается легендъ о вѣнѣ, т. е. приданомъ, то онѣ мнѣ стали понятны, когда я узналъ, что приданое, на калмыцкомъ яз. = *инжи, инза*, и вѣроятно въ другихъ языкахъ монгольскаго корня оно выражается созвучными этому словами, что и дало поводъ къ самой легендѣ. Многія и другія легенды точно также имѣютъ въ своемъ основаніи простыя созвучія.

Шегренъ и Кеппенъ приводятъ еще для Ижорцевъ названія: Инжерилайзетъ (Ingerilaiset), Инжерикотъ (Ingerikot) и Ингрикоты (Ingrikot), а эти названія прямо указываютъ на остяцкое происхожденіе, если не самаго народа, то его названія, такъ какъ окончаніе *кот* объясняется изъ остяцкаго: *ket, kêt, het* значущихъ *человѣкъ*.

Корень-же или, вѣрнѣе сказать, префиксъ *инг*, (такъ какъ корнемъ въ этомъ словѣ является окончаніе *кот* или *кет*), означаетъ, какъ мы уже видѣли, *великій, большой*. Общій же смыслъ словъ: Инжерикотъ, Ингерикотъ, откуда Ингрикоты, со-

кращенно—Ингры, буквально значитъ: *Великій*, (большой) *человѣкъ*, а при переходѣ въ другой языкъ: Великій *народъ*, (Большая арава или орда).

То-же означаетъ и «Ингерманы» — названіе тевтонское или готское, передѣланное изъ тогоже угорскаго ing, чрезъ добавленіе сперва аффикса *er*, означающаго народъ,[1]) а затѣмъ, вслѣдствіе непониманія значенія этого аффикса, другимъ почти подобнымъ, именно *man*, т. е. человѣкъ.

Между прочимъ обратилъ я вниманіе и на то, что звукосочетаніе *Ингер* вообще не можетъ имѣть финскаго происхожденія уже по тому, что въ финскомъ языкѣ, вовсе нѣтъ словъ, начинающихся на *ing* (какъ можно видѣть изъ любаго финскаго лексикона) слова же иностранныя на *ing*, переходятъ въ финскомъ языкѣ не въ *инг*, а въ *инге*. Собственное имя Ингрида, по фински переводится Inka. Въ лексиконѣ Ренвалля подъ этимъ словомъ добавлено, что *inkerin-maa* мѣстные Финны называютъ Ингерманландію. Очевидно, это позднѣйшая передѣлка позднѣйшаго-же шведскаго названія *Ingris*.

Ижора есть русское слово, произведенное по *созвучію* отъ финскаго названія того-же народа, образовавшагося отъ другого, финскаго корня и независимо отъ тевтонскаго слова.

Ижору народъ, Финны называютъ *Isora*, выговаривая *изора* (на южномъ берегу Невы) и *исора* (на сѣв. берегу), какъ я убѣдился изъ нарочныхъ распросовъ по окреснымъ деревнямъ.

Въ писцовой книгѣ Вотьской Пятины 1500 г. нѣкоторые изъ селеній, носящихъ нынѣ названіе Ижоры, названы: Изорники (В. I, 648, 669, II, 328) и Изоринки (II, 323), также Изоринская (В. I, 527 и 548) и Изори (В. I, 301, 322, 325 и 551; сравните № 2417 по Сп. насел. м.)

Iso (*Исо* и *Изо*, смотря по нарѣчіямъ) по фински значитъ: большой, великій.

Принимая сдѣланное мною объясненіе этнографическихъ окончаній на *ра* изъ сокращенія слова rahwas — народъ, названіе Isora въ буквальномъ переводѣ означаетъ: Большой народъ (въ смыслѣ Большая арава, или орда) т. е. то-же, что по древне славянской редакціи означало *Велико-росъ*, а по тюркски или тевтонски *Инг-ер*. Но сходство здѣсь скорѣе идеологическое, чѣмъ фонетическое (какъ будто и тѣ и другіе лишь переводили названіе, уже означавшее на какомъ то иномъ языкѣ понятіе *великій* или *большой*).

Сами Финны, понимавшіе, что *ра*, какъ флексія изъ слова *rahwas*, значитъ «народъ», называли самый этотъ народъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ было и такъ понятно, что рѣчь идетъ не о чемъ иномъ, какъ о народѣ, — просто *Изо*, или *Исо* (Iso). Въ такой формѣ имя этого народа перешло и въ народныя сказанія, а затѣмъ и въ лѣтописи, при весьма маломъ видоизмѣненіи — именно въ видѣ названія *Весь*.

Что Весь нашихъ лѣтописей слово не коренное русское, а измѣненіе чужаго, не сразу намъ давшееся, это ясно изъ нѣсколькихъ мѣстъ лѣтописи, гдѣ, очевидно, говорится о Веси, но стоятъ какія-то странныя его видоизмѣненія. Такъ, напримѣръ, подъ 862 г. въ лѣтописи говорится: «рѣша (рекла, сказала) Руси Чюдь, Словѣни, Кривичи и *Вси*» (Сводная лѣт., стр. 15). Здѣсь еще можно объяснить слова «*и вси*» словами: и всѣ другія племена (участвовавшія въ призваніи князей); но подъ 859 г.

1) Если слово *Ингер* дѣйствительно древнее, то окончаніе *ер* можетъ быть объяснено также изъ тюркскаго *ер*, значущаго *человѣкъ*; (въ нѣкоторыхъ тюркскихъ языкахъ равное *эл* и *ил*, откуда объясняется и слово Карелъ, по старинному Карѣлъ); тюркскихъ названій въ Петербургскомъ краѣ очень достаточно, какъ я покажу въ другомъ мѣстѣ.

тѣ-же «*всь*» находятся, уже совершенно некстати, въ срединѣ перечня народовъ; здѣсь сказано: «имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди, и на Словѣнѣхъ, и на Мери и на *Всѣхъ*, и на Кривичѣхъ» (idem, стр. 14). Поставьте здѣсь вмѣсто «Всѣхъ» народъ Исы (на Исѣхъ, т. е. на Исахъ, или на Веси»), и этотъ перечень племенъ и народовъ, подвластныхъ заморскимъ Варягамъ, будетъ ясенъ.

Ижора нынѣ извѣстна лишь въ губерніи С.-Петербургской и сосѣдней ей части губерніи Новгородской, но и здѣсь живетъ Ижора далеко не сплошною массою, а, какъ наглядно показано на картѣ Кеппена 1848 г., довольно разбросанно. Это указываетъ на то, что Ижора здѣсь племя пришлое, хотя бы и очень древнее.

Главное мѣсто жительства Веси наша лѣтопись указываетъ при Бѣломъ озерѣ. Да и самое названіе Бѣлаго озера можетъ быть сопоставлено съ именемъ *исо*, такъ какъ Бѣлый и Великій во многихъ языкахъ синонимы, какъ равно *бѣлый* и *большой* имѣютъ одну и ту же основу.

Изслѣдованія Д. П. Европеуса географическихъ и топографическихъ именъ Бѣлозерскаго края, (мѣстности вокругъ Бѣлаго озера на далекое пространство, особенно къ юго-западу, югу и юго-востоку) показали, что мѣстность эта была занята народомъ, говорившимъ на языкѣ Югры, къ которой поэтому почтенный ученый причисляетъ и Весь.

Кромѣ того Д. П. Европеусъ (на поляхъ другой своей карты) указываетъ на нѣкій народъ, носившій въ преданіяхъ Финновъ и Эстовъ названія *Хiиси* (Hiisi) и жившій въ сѣверной Финляндіи.

О походѣ Исовъ вмѣстѣ съ Русью и Аланами на берега Каспійскаго моря говоритъ перситскій поэтъ Низами (1108—1202 г.), относя этотъ походъ ко временамъ Александра Македонскаго. (В. В. Григорьевъ «Россія и Азія» стр. 29). Имя предводителя было Дували («Каспій» стр. 497). Дували, по маньчжурски означаетъ: скопище, совокупность, сообщникъ, партизанъ; невольно вспоминается до-московскій бояринъ Кучка.

Не трудно-бы сопоставить съ Весью, или Исами, какъ Иссидоновъ Геродота, такъ и Асовъ, прибывшихъ, по преданію, нѣкогда въ Скандинавію вмѣстѣ съ Одиномъ, а съ другой стороны, съ Асами можно сопоставить и имя *Ас-яг*, которымъ, какъ мы видѣли, называетъ себя часть остяцкаго, или югорскаго народа.

Весь егонская, давшая названіе Весь-егоньскому уѣзду Тверской губерніи, можетъ быть объяснена какъ видоизмѣненіе Веси-Кондо, или Иси-Кондо, а слово *кондо* входитъ въ составъ многихъ мѣстностей и, какъ мы видѣли, сопоставляется съ другой частью Остяцкаго народа, носящей названіе Конды-ху.

Всѣ подбныя указанія на то, что Исы, давшіе корень названіямъ Веси и Ижоры, нѣкогда были дѣйствительно большимъ народомъ (*Велико-росами*),—могли бы встрѣтить провѣрку въ именахъ географическихъ, которыя объяснялись бы изъ языка этого народа. Къ сожалѣнію, однакоже, до сихъ поръ нѣтъ, даже небольшого, словаря ижорскаго языка. Между тѣмъ, какъ я узналъ изъ распросовъ по окрестнымъ деревнямъ, Ижора быстро бросаетъ свой языкъ и отчасти русѣетъ, а та часть, которая не можетъ измѣнить свой акцентъ—финѣетъ, т. е. принимаетъ финскій языкъ и выдаетъ себя за Финновъ. Исчезновеніе ижорскаго языка особенно ускорилось съ 1861 г., и нынѣ Ижорцы уже положительно *стыдятся* признавать за собой это имя, которое стало презрительнымъ, подобно тому какъ для Финновъ слово «чухна»; говорятъ на ижорскомъ языкѣ, и то лишь между собою, а не въ обществѣ, нынѣ почти только женщины; но и они уже много словъ позабыли или замѣнили ихъ финскими.

Живя года 2 — 3 тому назадъ въ Мартышкинѣ (между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ), населеніе котораго, по Кеппену, въ 1848 г. состояло на половину изъ Ижоры, я вовсе не нашелъ говорящихъ по ижорски мужчинъ и только отъ урожденокъ деревеньки Ижора (въ 10 верстахъ за Ораніенбаумомъ) мнѣ удалось записать около 300—400 словъ; однакожѐ, изъ нихъ едвали нѣсколько десятковъ представляютъ какія либо существенныя особенности отъ финскихъ; между тѣмъ, по нѣкоторымъ уже сдѣланнымъ въ печати указаніямъ, ижорный языкъ много отличался отъ финскаго; и дѣйствительно, на другомъ берегу взморья, на Лисьемъ носу, мнѣ удалось узнать всего три слова, но изъ нихъ одно совершенно особенное и очень интересное; оказывается, что гора, по Ижорски *pata* (rata). Ничего подобнаго я не могъ розыскать ни въ одномъ изъ другихъ финскихъ языковъ. (По фински *rata* = *стезя*). Слово, повидимому, старинное, такъ какъ въ Мартышкинѣ его уже не знаютъ[1]).

Оно невольно напоминаетъ Арарат, а съ другой стороны нашихъ Ратшей и Ратшиничей, и поясняетъ отчество сказочнаго Змѣя *Горыныча*.

Неужели языкъ, дающій намъ подобныя интересныя указанія, не заслуживаетъ изученія?

Интересно также, что Ижоры, какъ мущины такъ и женщины, по общему своему виду представляютъ много общаго съ Великорусами и значительно крупнѣе Финновъ, что, вѣроятно, имѣетъ связь съ преданіями разныхъ финскихъ народцевъ о борьбѣ ихъ съ пришельцами *великанами*.

XXIII.

Вэри и Вар.

Подобнымъ же образомъ, какъ слово Угры, (Уг-ур), измѣняются въ различныхъ языкахъ и слова *Вэри* (=*вэринэ*) и *Вар*. Вотъ примѣры постепеннаго видоизмѣненія основъ: «чужой», «дальній», «крайній», «безграничный», «огромный», «большой» (откуда во многихъ языкахъ происходятъ и слова, означающія: «гора» и «лѣсъ»), «множество» «куча» «община» (городъ, деревня, государство).

Вэри, вэринэ, по маньчжурски, какъ мы знаемъ,=чужой, другой, иной, посторонній.

Віэрас, (wieras) по фински=иностранецъ, иноязычникъ (почти противоположно *вѣрнику* норманистовъ).

Віэрага, віэраш, (*вѣрага, вѣраш.?*) по карельски = чужой.

Варагъ, Варягъ, по чюхонски = воръ (отъ первоначальнаго понятія *чужой*).

Варас, по эстонски = воръ.

Вора, по корельски = воръ.

Вор, по зырянски и мокшански = воръ.

Віэри, (wieri) по фински = край, предѣлъ, конецъ.

1) Достовѣрность его однакоже подтверждается многими географическими именами, въ разныхъ губерніяхъ; между прочимъ въ Олонецкой губ. есть Рати—гора; а образованіе географическихъ именъ изъ именъ топографическихъ, какъ я уже сказалъ, есть самый обычный способъ происхожденія именъ географическихъ, объясненія которыхъ поэтому надо прежде всего искать въ топографическомъ названіи (на какомъ либо иномъ языкѣ) того урочища, на которомъ они находятся.

Фіара, по исландски = берегъ.

Бѣер, остяцко-енисейски = далеко.

Веер, (weer) эстонски = край, берегъ; по тевтонски берегъ = *уфар*, по нижненѣмецки *овер*, по германски *уфер*.

Вэръ, по афгански = далекій.

Перя, (Perä) по фински = конецъ, крайность; *перятойн* (perätoin) по фински = безпредѣльный.

Пэра (Përa) по эстонски = послѣдній, остальной.

Варчі, по маньчжурски = крайній, послѣдній, западный.

Авара, по фински = далекій, безграничный, огромный; а по санскритски: задній, послѣдній.

Бара, по индостански = большой.

Варг, остяцко-самоѣдски = большой.

Ворис, по остяцко-на р. Тазѣ = велико.

Уарке, по самоѣдски (разн. нарѣчій) = велико.

Вир, по авганси = обширный.

Вер, по романски и др. французски = велико.

Варе, (ware) по лопарски = гора (отъ понятія возвышенность).

Ваара, (waara) по фински = гора.

Воара, по карельски = скала.

Паарь, по малабарски = гора.

Пар, по остяцко-самоѣдски = вышина.

Пэрг, остяцко-самоѣдски = высокій.

Перх, по кимврски = гора, *Берг*, по нѣмецки = гора, русское *верх*, *вершина*.

Фира, по тавгински = высокій.

Вэр, мордовски = верхняя часть.

Веръ, по армянски = высоко.

Вэрэ, эрзянски = верхній.

Вара, по зендски = высота, вершина, крѣпость на высотѣ.

Варрохе, по тайгински = высоко.

Вар, по вогульски = лѣсъ (отъ понятія: высокій).

Форе, по французски = лѣсъ.

Форай, по баскски = лѣсъ.

Форестъ: по англійски = лѣсъ (русское *хворостъ*, *вересъ*)

Ворь, по вогульски около Чердыма = лѣсъ.

Варе, (ware) по эстонски = куча, груда.

Вара (Wâra), по санскритски: значительный, множество, толпа.

Вара (Wara), по фински = площадь, мѣсто, крѣпость.

Вар, (var) по венгерски = замокъ, крѣпость, городъ.

Варошъ, по венгерски, какъ и по хорватски = городъ.

Порвари, по фински = горажанинъ.

Варре, по латышски = власть.

Вара, по латышски = сила, могущество.

Бар, по тунгузски = крѣпкій, по кельтски = сила; по ирландски = власть.

Бара, по санскритски = окруженіе; *ужварас*, по литовски = заборъ во кругъ

поля, загонъ; *ишвара*, по литовски = выгонъ; *веряйя* (werăja), по фински = ворота заборъ; *верея*, по карельски = ворота.

Удвар, (udvar) = дворъ, Бугаду*вар*, ламутски = государство.

Вармеди, венгерское названіе русинскихъ комитатовъ (общинъ или округовъ.

Дувар, по азербейджански = стѣна.

Дувари, по гречески = стѣна.

Дувари, по гиркански = гора.

Дували (переходъ *р* въ *л*), по маньчжурски = совокупность, общество, скопище, родъ.

Фалу, по венгерски = деревня.

Фал, по вогульски = община.

Въ смыслѣ родъ, кровь, происхожденіе, тѣ-же звукосочетанія образуютъ сходныя слова и въ языкахъ: лопарскомъ: варр (warr) и варра (wara), венгерскомъ: *вёри*, мордовскомъ: *вер*, вотяцкомъ: *вер*, эстонскомъ: *вери* (weri), корельскомъ: *вери*, финскомъ: *вир*, *вери* (weri), ижерскомъ: *верри* (werri), зырянскомъ: *вир*, вотяцкомъ: *вир* (віро = кровавый), а по эрзянски: *вир* = кровь и также «дикій» (дикая вира въ «Русской Правдѣ»).

Чрезъ переходъ *р* въ *л* отъ корня *вер*, получается и слово *великій*, а съ замѣною еще *в* звукомъ *б*, получается отъ корня *віер* (вѣр, вѣл) слово *бѣлый*, синонимъ великаго у многихъ народовъ.

Мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, что въ самыхъ разнородныхъ языкахъ одни и тѣ-же основы даютъ слова весьма созвучныя; но въ то-же время и самыя основы переходятъ одна въ другую.

Ударенія при переходѣ словъ изъ одного языка въ другой тоже не могутъ имѣть значенія, уже потому что нѣкоторые языки (какъ напр. французскій и польскій), дѣлая постоянно ударенія на одномъ и томъ же слогѣ, передѣлываютъ по этому шаблону и всякое иностранное слово; другіе же языки, въ томъ числѣ и русской, напротивъ того, во многихъ и своихъ словахъ допускаютъ ударенія на различныхъ слогахъ. «Народу,—какъ характерно выразился А. А. Куникъ,—дана, въ качествѣ лингвистическаго Юпитера, привиллегія употреблять и смѣшивать основы словъ по своему усмотрѣнію». (Каспій, стр. 411). Къ тому-же этнографическія имена воспринимаются и по созвучію (напр. Самоѣдъ), а законы созвучій еще не изучены.

Слѣдовательно, весьма возможно, что когда Маньчжуры осѣли и значеніе ихъ первоначальнаго названія, «чужой народъ» стало непонятнымъ, оно всего легче должно было разными народами пониматься и видоизмѣниться именно въ *Великій народъ*.

XXIV.

Прозванія: Великій, Великая и т. под. при именахъ географическихъ.

Это однако странно: которое уже слово я разбираю, и всѣ приводятъ къ одному и тому-же корню: *великій*, *большой* съ ихъ варіантами; съ разныхъ сторонъ, разные народы и языки указываютъ на существованіе въ сѣверной Европѣ какого-то

народа или государства, по меньшей мѣрѣ орды или аравы, бывшихъ дѣйствительно *большими* или носившихъ названіе отъ корня *велико*.

А въ *pendant* къ этому невольному впечатлѣнію рождается невольный же вопросъ: отчего это наши: Великій Новгородъ, Великая Пермь, Великій Ростовъ, Великій Устюгъ, Великія Луки и проч. всѣ приходятся на территорію, которая по картѣ Европеуса была нѣкогда занята Уграми, а по Нестору Варягами?

Въ этомъ перечнѣ особенно интересно, что даже Новгородъ, какъ показываетъ само названіе—городъ *новый*, и уже называется Великимъ. Не ясно ли, что названіе дано ему не за личныя качества, а какъ и Новгороду Сѣверскому, Новгороду Нижнему, Новгородку Залѣскому и пр., по названію той мѣстности, въ которой онъ находился, и которая, слѣдовательно, уже раньше была достаточно общеизвѣстна подъ именемъ Великой. Названіе *Великая Россія* въ первый разъ оффиціально употреблено при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ въ 1654 г., въ противоположность присоединенной тогда Малороссіи. Но оффиціальному употребленію этого названія могло, и даже должно было, предшествовать его народное употребленіе, безъ чего оно было бы непонятно народу.

Древность этого названія доказывается имъ самимъ, такъ какъ слово великій, какъ представопоставляемое слову малый, принадлежитъ славянскому языку, а въ собственно русскихъ именахъ географическихъ замѣняется словомъ *большой*.

Откуда-же произошло такое названіе?

Не оттого ли, что вся сѣверная, восточная и значительная часть средней Европы нѣкогда подверглась нашествію восточно-азіатскихъ ордъ, во главѣ съ Маньчжурами, (издавна опытными въ соединеніи разрозненныхъ племенъ въ одно политическое цѣлое)—ордъ, покорившихъ все, что могли покорить, чего не могъ защитить Римъ, создавшихъ нѣчто подобное великому государству, давшему начало именамъ: Великоросъ, Великая Рось, Великая Скуфь, или Скиѳія, Великая Сорабія, или Сербія, Великая Швеція, Великобританія и пр.; пытавшихся затѣмъ покорить и самый Римъ, но кончившихъ тѣмъ, чѣмъ кончили наши Татары, раздѣлившись на малыя орды, а затѣмъ совершенно потерявъ не только господство, но и самостоятельность, послѣ чего названіе этого «Великаго» сохранилось лишь за Великороссіей, какъ бывшей прежде, вѣроятно, ядромъ всего цѣлаго?

XXV.

Когда это было и что было раньше?

Нашествіе этихъ ордъ несомнѣнно, и даже можно съ достовѣрностью сказать, что они, опасаясь трогать Римъ и тѣ области, гдѣ было сильно его вліяніе, пришли первоначально лишь на сѣверъ Европы и уже оттуда заняли среднюю Европу, начавъ затѣмъ угрожать берегамъ Средиземнаго моря.

Но можетъ быть народы этихъ ордъ только сохранили въ своихъ языкахъ переводъ того названія, которое уже раньше принадлежало чему-то дѣйствительно великому на Сѣверѣ?

Вѣдь если даже Маньчжуры дѣйствительно сами создали это великое, но затѣмъ всетаки пропали, то, значитъ, должна была уже раньше существовать здѣсь цивилизація, которая поглотила ихъ?

И дѣйствительно-ли Финны, Лопари, Корелы, Самоѣды, Зыряне, Мордва, Черемисы и многіе подобные, нынѣ занимающіе сѣверо-восточную, а прежде занимавшіе и всю среднюю и даже западную Европу, племена, *вполнѣ* азіатцы, а не *объазіатившіеся* только народы, какъ даетъ основаніе полагать множество общихъ съ арійскими не только корней, но цѣлыхъ словъ, въ языкахъ многихъ изъ этихъ народцевъ и, съ другой стороны, въ территоріи этихъ народцевъ множество именъ географическихъ изъ языковъ иранскихъ и даже прямо изъ санскрита.

Много подобныхъ словъ сопоставлено въ вышеупомянутой статьѣ Ѳ. Кеппена «О первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ Индо-Европейскаго и Финно-Угорскаго племени»; (Ж. М. Н. Пр. 1886 г. №№ 8, 10 и 12), но жаль, что эту общую родину Индо-Европейцевъ и Угро-Финновъ уважаемый авторъ представляетъ себѣ какимъ-то клочкомъ земли, чуть ни въ квадратную сажень, при чемъ заставляетъ и тѣхъ и другихъ дѣлать весьма сложныя переселенія. Переселенія конечно совершались часто; еще въ 1771 г. значительная часть калмыцкаго народа, образовывавшая на луговой сторонѣ Волги, въ предѣлахъ Астраханской губ., особое ханство, перекочевала цѣликомъ въ *предѣлы китайскихъ владѣній* (дистанція огромнаго размѣра!).

Но есть здѣсь и другая сторона. Коль скоро родъ человѣческій существуетъ уже хотя-бы не сотни, а только десятки тысячелѣтій, то нельзя-же отрицать и роли осѣдлаго населенія. Высказываемая какъ новость учеными XIX вѣка (Пфейфферъ, «Объ ассоціаціи») идея о томъ, что всякая цивилизація основывается на рабствѣ отъ покоренія одного народа другимъ, была понятна уже Нестору, раздѣлявшему населеніе всѣхъ странъ на «находниковъ» и «насельниковъ». Если даже первоначальное населеніе Европы и пришло изъ Азіи, то оно вскорѣ-же, въ силу географическихъ условій новой части свѣта, должно была обратиться въ осѣдлое, а затѣмъ даже Великое переселеніе народовъ было преимущественно лишь передвиженіемъ находниковъ, которые должны были щадить насельниковъ уже просто для того, чтобы самимъ не умереть съ голоду. Нельзя воевать постоянно, и даже кочевникамъ понятно, что гораздо выгоднѣе чѣмъ убивать корову—ее доить, чѣмъ рѣзать барановъ—ихъ постепенно стричь, или чѣмъ съѣсть курицу — оставить ее въ живыхъ, постепенно отбирая отъ нея и поѣдая ея яицы. И глупыя созданія такъ благодарны намъ за это; боясь безъ насъ погибнуть, они даже сердечно привязываются къ намъ! Та-же идея составляетъ основу и современной цивилизаціи (лишь въ болѣе утонченной формѣ); притомъ она опредѣляетъ отношенія уже не между враждебными одинъ другому народами, а даже въ средѣ одного и того же народа между его сословіями и классами или состояніями. Но дѣло въ томъ, что этотъ строй, на практикѣ, разслабляя находниковъ, выробатываетъ энергію въ насельникахъ, которые въ результатѣ и торжествуютъ.

Раньше нашествія вышесказанныхъ китайско-азіатскихъ ордъ, не могла-ли, не должна-ли была, Европа подвергаться вліянію (въ разныхъ видахъ) монголоидной цивилизаціи вавилонской, раздѣлившему арійцевъ, прежде общихъ Индіи и Европѣ, подчинившему себѣ настоящихъ ея аборигеновъ — арійскіе народы, на сѣверѣ и востокѣ, отчасти и въ срединѣ Европы, и здѣсь создавшему изъ нихъ, чрезъ смѣшеніе съ Сумерійцами или съ арабами Сиріи (Шами) — Финновъ (зовущихъ себя подобно Самоѣдамъ, Суоми); вліянію, бывшему однако-же тоже не въ силахъ сокрушить цивилизацію арійцевъ по берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ она (въ силу доказаннаго

уже вліянія морей на развитіе цивилизаціи) должна была начаться прежде, а потому успѣла и болѣе окрѣпнуть.

А по берегамъ другого средиземнаго моря Европы—Балтійскаго, не *должна-ли* была, въ силу того-же общаго вліянія морей, возникнуть точно также особая цивилизація, продукты которой вѣроятно и привлекли къ ней алчность «находниковъ».

Не имѣли-ли также возможности: Египетъ, (до покоренія Гиксами говорившій по арійски), затѣмъ Греція (воспринявшая, по преданіямъ, цивилизацію отъ Египта и передавшая ее Риму) и послѣ Римъ въ свою очередь распространить свое вліяніе и свой языкъ почти до крайнихъ предѣловъ сѣверной Европы, какъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ многоговорящаго латинскаго *pagus* (округъ, село, деревня), латышскаго *pagasts* (волость), русско-лопарскаго *погостъ* и индійскаго *пáгода* (есть и многія другія слова).

Да и *Варягъ*, въ смыслѣ нѣмецъ (см. зам. XV) можетъ быть сближено, какъ идеалогически, такъ и фонетически, съ греко-латинскимъ *Варваръ*, (barbarus, barbaros) въ его первоначальномъ значеніи всякаго чужестранца, когда мы познакомимся поближе съ языкомъ Лопарей и Самоѣдовъ и отдѣлимъ въ этихъ языкахъ то, что привито «находниками», отъ того, что могло сохраниться или привиться отъ арійцевъ; напр. *чуде*, по лопарски=непріятель; *фисэ*, по самоѣдско-енисейски=высокій; яйцо=*ovum*, по латински, *айво* по лопарски; *филіа*, по гречески=дружба, *фэалэа*, по самоѣдско-тавгин.=родственникъ, *вилья*, по лопарски=братъ; *фино*, по лопарски=холмъ, бугоръ, возвышенность, по тевтонски *пфинъ* = высоко. *Валита*, по фински=герой, а по санскритски = сильный, мощный.

Всѣ подобныя созвучія, нынѣ объясняемыя «случайностью», легко объяснятся иначе, если мы, подобно Нестору, будемъ различать въ *каждой* странѣ находниковъ и насельниковъ; тогда само собой окажется, что въ Европѣ насельниками были арійцы.

Находники, долго живущіе въ одной территоріи, часто смѣшиваются по названію съ ея насельниками (и обратно), что производитъ большія недоразумѣнія, которыя въ большинствѣ случаевъ разъяснились бы, коль скоро принять общимъ правиломъ, указывая однихъ—указывать и другихъ, не смущаясь даже однимъ и тѣмъ же названіемъ. Про Волжскихъ Болгаръ, напримѣръ, одни источники говорятъ, что они Славяне, другіе, что они Турки, третьи—что они состояли изъ тѣхъ и другихъ; послѣднее несомнѣнно вѣрнѣйшее, и вопросъ только: которые были насельниками, которые находниками.

Но когда-же все это было?

Чудь (Скифія) называется еще «отцемъ исторіи» Геродотомъ (V вѣкъ до Р. Х.).

А если такъ, то корень названія Варягъ долженъ относиться къ тому времени, когда не существовало еще на сѣверѣ Европы не только Шведовъ, но даже не было еще и отдѣленія Славянъ отъ Нѣмцевъ, а были только, по всей вѣроятности первоначальные арійцы Европы, нынѣ офинѣлые Лопари и родственные имъ, но устоявшіе противъ офинѣнія Славяне, отъ которыхъ выдѣлились потомъ Кельты и позднѣе Готы.

Норманисты и слависты, каждый со своей стороны, какъ заладили давно, такъ и ладятъ все одно: «стрижено!», «брито!», «стрижено!», «брито!» не допуская даже мысли, что можетъ быть и не стрижено и не брито, а просто отъ природы плѣшиво. Между тѣмъ это «стрижено—брито» лѣтъ на сто задержало развитіе нашей древнѣйшей исторіи, и совсѣмъ погубило изученіе финологіи русскими (народомъ, на половину состоящимъ изъ Финновъ).

XXVI.

Нѣчто о географономіи.

Основательные отвѣты на вышенабросанные вопросы вполнѣ возможны.

У этнографономіи, занимающейся именами этнографическими, есть родная, старшая сестра (чрезъ которую я и познакомился съ младшей), посвятившая себя именамъ географическимъ. Ее нѣкоторые называютъ топономіей; но я позволю себѣ называть ее *географономіей* потому, что она занимается не изысканіемъ откуда происходятъ слова: рѣка, островъ, гора, городъ и другія топографическія, а изысканіемъ происхожденія названій: *Нева* рѣка, *Васильевскій* островъ, *Кіевъ* градъ и т. под. именъ *географическихъ*. Обѣ сестры еще дѣвы, такъ какъ очень скромны и серьезны, кокетничать не любятъ; ученые-же, какъ всѣ мужчины вообще, очень рѣдко сами замѣчаютъ настоящія достоинства женщинъ, а потому позволяютъ себѣ относиться къ обѣимъ сестрамъ крайне небрежно.

Такое презрѣніе ученыхъ и дало мнѣ право сблизиться съ этими сестрами.

Въ старшей сестрѣ меня заинтересовала ея особая способность доказывать свои положенія, провѣркою многихъ географическихъ именъ въ натурѣ дѣлать значеніе ихъ очевиднымъ для всякаго; а методъ изученія географическихъ какъ и этнографическихъ именъ съ конца, откуда всѣ слова наростаютъ обыкновенно, даетъ возможность узнавать послѣдовательность наслоенія народностей и, слѣдовательно, возстановлять исторію постепеннаго заселенія изучаемой мѣстности; кромѣ того могутъ быть и другія способы провѣрки объясненій, напр. въ сходствѣ значенія названій многихъ селеній, носящихъ нѣсколько разноязычныхъ названій.

Подмѣтивъ въ ней эту способность, я составилъ особый географономическій словарь (см. замѣтку XIV) изъ болѣе чѣмъ 200 главнѣйшихъ языковъ и нарѣчій, по алфавиту не гласныхъ, а согласныхъ, притомъ помѣщая рядомъ наиболѣе созвучныя и чаще переходящія буквы *(в, б, п, ф, в, т, д, з, ж, ш, с, ц, ч, к, н, м, л, р)* и лишь послѣ раздѣленія на третью согласную подраздѣлялъ на гласныя, по гаммѣ: *и, е, а, о, у*, а йотированныя (й, ѣ, я, ю), также какъ *ы* и *э*, помѣщалъ вмѣстѣ съ наиболѣе сходными. Этимъ порядкомъ всѣ созвучныя слова ложатся рядомъ.

Но о географономіи я надѣюсь (если Богу будетъ угодно) говорить подробно въ особомъ этюдѣ, гдѣ изложу, какъ понимаю, основанія раціональнаго пользованія этою, при такомъ пользованіи, вполнѣ *доказательною* наукою, имѣющею широкую будущность, наукою, которая, составляя часть сравнительной филологіи, должна значительно способствовать къ упроченію всего цѣлаго, такъ какъ только чрезъ географономію можно основательно пріурочить языки къ территоріи и опредѣлить обитателей послѣдней.

А въ этихъ замѣткахъ буду продолжать выясненіе (или вѣрнѣе: обращать вниманіе на желательность выясненія и съ другихъ точекъ зрѣнія) отдѣльныхъ вопросовъ, которые встрѣтятся по пути моего географономическаго изысканія о древнихъ обитателяхъ Петербургскаго края съ его окрестностями.

Ближайшая рѣчь будетъ о *варяхъ* и *переварахъ*.

Государ. публичная Историческая библіотека РСФСР № 1963